

84Р6К
0-23

«ОБРАЗ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
№ 4 2016 г.

Кемерово
Офсет
2016

16+

мес. 7-31-45

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

«ОБРАЗ»

литературный альманах

№4(12) 2016г.

Кемерово
Офсет
2016

99939(1)

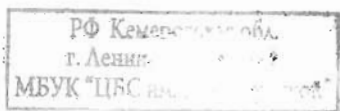
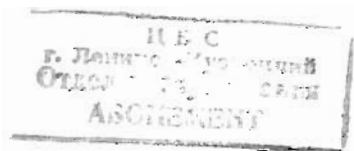
Содержание:

Поэзия

Яна-Мария Курмангалина	32
Игорь Куницын	38
Алёна Шипицина-Иванке	43
Сергей Ивкин	47
Ольга Гуляева	52
Вероника Шелленберг	60
Герман Власов	65
Ия Кива	71
Антон Метельков	76
Юлия Сливина	81

Проза

Юлия Лавряшина	3
Ирина Цхай	56

Лавряшина Юлия Александровна. Автор более 30 книг прозы и сборника стихотворений, ряда киносценариев и пьес.

Член Союза писателей России с 1995 года. Родилась 3 мая 1965 года в городе Кемерово. Окончила Кемеровский государственный институт культуры, библиотечный факультет. Замужем, трое детей. В настоящее время живет в городе Королёв

Юлия Лавряшина
г. Королёв

Рыцарь в змеиной коже

Начало см. в №1, №2 и №3 за 2016 год

Глава 19

Человеческая песня

Когда девочка скрылась за деревьями, Ния заползла на колени к усевшемуся на бревно Лею и виновато пояснила:

- Ты не против? Змеи любят тепло. А земля на рассвете такая холодная!

- Конечно! Устраивайся поудобнее.

Они затихли, глядя, как медленно розовеет небо над лесом. В неподвижных ветвях просыпались птицы и звонко желали миру доброго утра. Эти звуки откликнулись воспоминанием:

- Ния, а как мы слушали колокольчики! Помнишь?

Её голос прозвучал как-то сдавленно:

- Я этого никогда не забуду...

- И я тоже! У них были неземные голоса. А теперь я больше не слышу цветочных песен.

- Но ты можешь спеть человеческую. Спой мне, - попросила змея.

- Спеть? Если честно, пою-то я не особо! Пок даже дразнится, что у меня голос и слух, как у осла. Но я попробую.

И прокашлявшись, Лей тихонько запел любимую мамину песню:

Принесу тебе охапку цветов,
А в букете спрячу сердце своё.
Я не стану говорить лишних слов,
Моё сердце за меня пропоёт...

Когда он замолк, Ния заговорила не сразу. Он уже подумал, что усыпил её своей песней, когда она шепнула:

- Спасибо. Это именно та песня, которую мне хотелось услышать.

- Разве ты уже слышала её?

- Может быть, в мечтах.

Лей догадался:

- Ты смеёшься надо мной?

- Нисколько. Эта песня – о любви. Разве кто-то может смеяться над любовью? Хотя люди позволяют себе и такое...

Погладив её маленькую голову, мальчик заметил:

- А ты не особо жалуешь людей!

- Они убивают гадюк. Хотя отлично знают, что змеи уклоняются от встреч с людьми. Они всегда нападают первыми и забивают нас палками. От страха. Многие преступления в мире совершаются только из страха.

Лею стало трудно дышать от жаркой волны, прихлынувшей к лицу. Заметив это, Ния встревоженно потянулась к нему:

- Что такое? Тебе плохо?

- Я тоже... ударил того купца... из страха. Мне показалось, будто он достаёт кинжал.

И покаянно воскликнул:

- Нет мне прощенья!

- Есть, - твёрдо произнесла Ния. – Если ты придёшь к этому человеку и покаешься в своём грехе, неужели же он не простит тебя?

У Лея болезненно сморщилось лицо:

- Если я приду к нему, меня снова схватят! И кинут в тот же подвал. Я сгнию там заживо!

- Но иначе ты будешь жить с этим камнем на сердце.

- Ты предлагаешь...

Она резко дёрнулась всем длинным телом:

- Нет! Я ничего не предлагаю. Ты сам должен решить: достаточно ли храбр, чтобы ответить за свою вину, и достаточно ли благороден сердцем, чтобы попросить прощенья у человека, которого обидел.

- Я не знаю, - прошептал он. – Ты разговариваешь со мной, как со взрослым! И требуешь вести себя по-взрослому. Но ведь я ещё не вырос!

- Ладно, - согласилась она. – Тебе видней.

Кажется, Ния хотела добавить что-то ещё, но не успела. За спиной Лея затрещали кусты, и тяжёлый топот на миг заглушил все другие звуки. «Колдун!» - мальчик совсем по-змеиному учуял его запах и вскочил, сбросив Пино с колен.

- Беги в воду! Я задержу их. Мне они ничего не сделают, им нужна только ты!

Показалось или и впрямь его слуха коснулся шёпот:

- О, мой рыцарь...

«Какой из меня рыцарь... От горшка – два вершка!»

Схватив первую же подвернувшуюся ветку, Лей вспрыгнул на цепь, чтобы стать вровень со взрослым. И замахнулся своим первобытным оружием:

- А ну, стой! Не подходи!

Те двое, что прибежали с колдуном, в нерешительности замерли. Из-под чёрного капюшона блеснул недобрый взгляд:

- Уйди, малец. Уйди по-хорошему.

- Ага! – презрительно бросил мальчик. - Это вам придётся уйти. Ни с чем! Гадюка-то уже – тю-тю!

Её имени Лей решил чужакам не называть. Размахивая веткой, он защищал тропу, по которой уползла Ния, но враги уже пришли в себя и бросились к озеру по траве. Она была ещё слишком низкой, чтобы задержать, а Лей оказался чересчур мал, чтобы прогнать их прочь. В отчаянии он помчался за ними следом, на бегу вглядываясь в посветлевшую озёрную гладь. И с облегчением перевёл дух: казавшаяся сонной, вода скрыла Нию, и невозможно было даже угадать, в каком месте она спряталась.

«Ух ты! – восхитился Лей. – Оказывается, гадюки и нырять умеют!» Но облегчение было мгновенным, громилы колдуна уже подступили вплотную. То, как он размахивал своей дубиной, никого особенно не пугало, любой из них мог выбить её одним ударом. Но почему-то они медлили, и Лей всё отступал к воде, уже прикинув, что, пожалуй, сможет переплыть это маленькое озерцо. Только вряд ли это спасло бы его – оббежать по суше и встретить его на другом берегу этим парням не составит труда.

И Лей решил: убежать не будет. Если и суждено снова быть пойманным, то надо хотя бы побороться за свою свободу. Но первым он теперь бить никого не станет! Хватит с него угрызений совести за купца... На него тоже пока никто не нападал, что уже казалось мальчику хитроумной ловушкой, расставленной колдуном. Лучше уж драться, чем разгадывать её. Ох, если б у него в руках был меч вместо глупой дубины!

Но выбирать не приходилось, и он замахнулся своим древесным орудием. Правда, и его враги были вооружены лишь резиновыми дубинками. Лей ещё не

подозревал, как можно пострадать от них. Уже первый удар в плечо заставил его взвыть от боли. Левая рука Лея невольно разжалась, но удалось удержать ветку одной правой. И даже ткнуть своего обидчика в живот, отчего тот согнулся пополам. Но в этот момент мальчика ударили по спине, и он рухнул плашмя, больно стукнувшись головой о собственный сук. На миг у него потемнело в глазах.

«Справились, - мелькнуло в голове. – Какой из меня рыцарь... Так – мелкий разбойник. Нет, разбойником я больше не стану ни за что!»

И тут колдун вскинул руку:

- Назад! Оставьте его. Дайте нам поговорить.

И когда его охранники отошли в сторону и закурили, он сбросил капюшон и внимательно посмотрел на сидевшего у его ног мальчика:

- Ты чувствуешь себя загнанным в угол, верно? Совсем один в чужом мире... Хочешь вернуться домой?

- Я и так вернусь домой! – ошетинился Лей.

- Да ну? И кто поможет тебе вернуться? Неужели твоя прекрасная змея? Где же она, позволь спросить?

С трудом удержавшись от того, чтобы оглянуться на озеро, мальчик пробормотал:

- Она вернётся за мной.

- Если я допущу её к тебе.

- Вы снова запрёте меня в подвале?

От зловещей улыбки колдуна по его спине пробежал холодок.

- Лучше! Всё гораздо лучше. Я сам могу отправить тебя в твой мир.

Глава 20

Змеинное сердце

Нырнув, Ния не стала стремиться ко дну, а метнулась в заросли камыша, которые заприметила ещё с

берега. Долго находиться под водой ей было не под силу, и она торопилась, извиваясь всем телом. Спрятавшись среди юных камышей, змея попыталась разглядеть происходящее на оставленном берегу. Зрение у неё было слабым, но всё же она смогла различить, что никто пока не тронул мальчика. Показалось, будто идёт мирный разговор, и Лей даже опустил сук, которым намеревался отбиваться.

«Теперь он встал на мою защиту, - улынулась Ния про себя. – О, мой маленький храбрец! Он и не подумал бежать. Но не нанёс удар первым, это уже хорошо. Значит, Лей становится храбрым. Чаще всего люди бьют себе подобных от испуга. В сердцевине агрессии всегда скрывается страх».

Ей хотелось бы услышать, о чём говорит он с колдуном. И шепнуть мальчику, чтоб не верил ни одному слову коварного мага, относившегося к миру, как к большой кладовой, в которую можно запустить лапу. Сколько Ния не перемещалась подземными переходами, в каких мирах не оказывалась, она никогда не позволяла себе перенести из одного в другой даже простой камешек.

Этому учила её чёрная водяная змея, воспитавшая Нию, как родную дочь. Осиротела гадюка ещё змеёнышем, едва вылупившись из яйца: перепуганный грибник забил мать Нии палкой, похожей на ту, что сейчас держал в руках Лей. И крошечная гадючка бросилась бежать из тёплого гнезда, почти ослепнув от слёз и едва дыша от отчаяния. Её тот перепуганный грибник не заметил...

Так она и оказалась на берегу лесного озера, которое было гораздо больше этого и куда глубже. Тогда Ния ещё не знала о том, что гадюки не любят воду и всячески избегают купаний, хотя и неплохо плавают. В тот момент она вообще ни о чём не думала, и только пыталась спастись от смерти. Но уже в воде маленькой Нии не хватило воздуха, и она утонула бы, если б снизу её не подхватил чёрный хвост. Водяная змея вынесла её на

поверхность и аккуратно уложила в укромном уголке среди прибрежных кустов.

- От кого ты спасаешься, девочка? Конечно, от человека? – услышала Ния ласковый голос, который с тех пор стал для неё любимым. – Такая кроха, а уже узнала, что опаснее человека никого нет в этом мире.

Это Ния запомнила навсегда. И годами старалась не приближаться к человеческим жилищам и тропам. Но однажды увидела мальчика, читавшего на обрыве, куда она выползла согреться на камне... Подобно змее, он прятался от людей, которые могли бесцеремонно вмешаться в его мир и разрушить. Что-то он прочёл за минуту до этого и устремил взгляд в пространство, пытаясь лучше разглядеть переданное словами. Ния смотрела на него, а мальчик – в собственное воображение. И такое у него было при этом лицо, что Ния не могла оторвать от него глаз.

И она стала следить за ним. Лей, конечно, не подозревал этого – кто заметит маленькую гадюку, если она тщательно прячется? Вскоре Ния уже всё знала о нём, и хорошее, и плохое. Он всегда заступался за слабых, и помогал матери носить тяжёлые корзины с бельём. Но ему и в голову не приходило заняться младшими братьями и сёстрами, чтобы освободить мать хотя бы от этого. Казалось, Лей вообще не замечал их, а старший брат только раздражал его своей тупостью, и как раз это не удивляло Нию. Пок не раз намекал брату, что он – чужак в их семье, но родителей Лей любил, это было заметно. Хотя и стеснялся проявлений чувств. Но от малышей старался держаться подальше и часто прятался с книгой в лесу, где Ния и наблюдала за ним. Она пришла к выводу, что Лей сам ещё слишком мал, чтобы заботиться о ком-то.

Гораздо веселее ему казалось проводить время с теми, кого он считал друзьями. Ни один из них потом даже не приблизился к башне, где был заперт Лей, чтобы попытаться увидеть его - змея специально следила. Эти мальчишки были с ним, пока Лей был на коне, и

верховодил в банде, а стоило ему попасть в беду, как всех точно ветром сдуло. Только мать с отцом да их малыши безнадежно бродили вокруг тюрьмы, надеясь услышать хоть голос своего Лея. Даже Пок тайком приходил несколько раз. А бывшие приятели продолжали свою развесёлую жизнь! Правда, от большой дороги теперь держались подальше. Лей принял наказание один за всех.

Но даже то, чего Ния не могла одобрить в нём, не отталкивало её, ведь змея уже любила мальчика. А любовь принимает человека со всеми его изъянами...

Теперь она упрекала себя в том, что не вмешалась в его жизнь раньше, позволив себе только любоваться Леем. А надо было остановить его, когда, гонимый нуждой, он вышел на большую дорогу. Убедить: это путь в никуда, он приведёт лишь к потере самого себя, но никак не к обретению счастья, даже если карман отяжелеет от золота. Ведь Ния сразу догадалась, что у мальчика на уме.

Однако змеиный принцип не приближаться к человеку помешал ей спасти Лея. А потом его заперли в подвале, и Ния металась у стен башни, внутри которой заточили смысл её жизни. Сложенные на совесть, каменные стены были грозным монолитом, в котором невозможно было найти щель. Но змея не сдавалась. Несколько месяцев ушло у неё на поиск тайного хода, который привёл бы к Лею, но гадюка нашла его.

И вот теперь их вновь пытались разлучить. Что-то убедительное произносил колдун в эти минуты, ведь Лей уже разжал руку и выпустил дубину. Змее хотелось крикнуть:

- Не верь ему! Ни одному слову не верь!

Но Лей не услышал бы её.

А потом она увидела, как мальчик уходит вместе с колдуном, и мир потемнел. Не шевелясь, Ния глядела Лею вслед, и пыталась понять, чем его могли заманить в сети? Посулили безбедную жизнь? Но ведь он уже отказался, когда это предлагала ему Маша. Выбрал возвращение в

свои мир? Нию точно пронзило током: вот оно! Колдун пустился тумана, и мальчик поверил, будто чёрному магу под силу вернуть его в семью. Но ей-то было понятно, что ничего этот шарлатан не умеет, иначе они не ловили бы её, Нию, с такой настойчивостью! Может, он и в состоянии разглядеть ближайшее будущее, раз предсказал их с Леєм появление, но не более того.

А мальчик, похоже, купился на обещания колдуна... Ния заторопилась: нужно было вернуться к Машиному дому одновременно с ними, и проследить, куда спрячут Лея. Неужели у них не хватит воображения, чтобы придумать другое место заточения? Она была уверена: Маша уже крепко спит, и не заметит возвращения нового друга. При мысли об этой девочке, у змеи опять тоскливо танцало сердце... Лею не могла не нравиться Маша. Она была не просто хорошенькой, она оказалась – настоящей. Хотя сначала показалась Нии совершенной пустышкой.

А самое главное: они оба были людьми.

Глава 21

Время действовать

Впервые Маша увидела во сне маму. И не просыпаясь, почувствовала, как соскучилась по ней. Поэтому, когда кто-то нежно погладил её по щеке, девочка расплылась в улыбке, ещё не открывая глаз:

- Мама...

- Это я, Ния, - услышала она шёпот змеи, и разом всё вспомнила.

Подскочив на постели, Маша увидела гадюку на подушке, но, конечно, не испугалась, как наверняка случилось бы ещё накануне. Солнце уже настойчиво прорывалось сквозь шторы, которые девочка задёрнула кое-как: на рассвете ей слишком хотелось спать, чтобы всё

сделать, как следует. А сейчас это и вовсе не имело значения.

- Ния! – воскликнула она шёпотом. – Как ты... Почему ты здесь? Одна... Где Лей?

- Вот это и нужно узнать, - пояснила змея. – Нас едва не поймали на берегу...

Маша гневно сдвинула брови:

- Отец?

- Нет, его тёмный приятель с головорезами. Лей защитил меня, и мне удалось спастись. Но его они увели с собой.

О том, что мальчик ушёл сам, Ния решила пока умолчать. Ведь ей и самой не было до конца ясно, что же произошло на берегу, она могла только догадываться.

- Ага, - Маша энергично растёрла лицо, пытаясь проснуться окончательно. – И куда они его дели ты, конечно, не знаешь?

Гадюка виновато подтвердила:

- Они добрались до дома гораздо быстрее меня. Хотя я спешила изо всех сил.

- Как ты вообще передвигаешься без ног? – девочка посмотрела на неё сочувственно. – Озвереть можно...

Усмехнувшись про себя, Ния завершила:

- Ничего, я привыкла.

Скинув одеяло, Маша вскочила с кровати и натянула домашний сарафанчик. Потом подумала, сняла его и надела современные доспехи - джинсы с футболкой - чтобы быть готовой ко всему.

- Интересно, отец догадался, что это я вас выпустила? – бормотала она, наспех причёсываясь. – Тогда из него ничего не выудить... А так – может, и проболтается! Хоть бы они решили, что ты тогда опять превратила его в ужа, и вы сбежали через какую-нибудь дырку! А то и мне не поздоровится. Скорей бы уж мама вернулась, что ли!

Расспрашивать, почему вообще её мать уехала отдыхать в одиночестве, Нии было некогда. Да и Маше вряд ли было бы приятно говорить об этом. К тому же, сейчас было время действовать, а не беседовать.

- Позволь поинтересоваться, хорошо ли ты знаешь свой дом? – спросила Ния. – Есть ли здесь потайные комнаты? Не слишком умно второй раз прятать его в подвале.

- Ну, знаешь! Если они думают, что это ты его увела, тогда могут и снова туда посадить!

- С какой целью? Чтобы я снова его спасла?

- Хотя да... - Маша задумалась, присев на край неубранной постели. – Знаешь, у нас есть такая большая гардеробная, где хранятся зимние вещи и всё такое. У мамы полно лишней одежды!

Ния заметила с упрёком:

- Прости, пожалуйста, но вы могли бы раздать её бедным.

Виновато шмыгнув, девочка прошептала:

- Понимаешь, мама сама росла... Ну, не то, чтобы прямо совсем в бедной семье! Но у них вечно всего было в обрез. Моя бабушка медсестрой работала, получала конейки, а деда в шахте завалило. И у мамы до сих пор дикий страх остаться разутой-раздетой! Фобия какая-то... Она не может ни с одной тряпкой расстаться – а вдруг пригодится? Всё на старость откладывает. Мне её даже жалко, честное слово!

В другое время Ния непременно продолжила бы этот разговор и посочувствовала девочке, но сейчас её мысли были заняты одним лишь Леем. И она деловито спросила:

- А замок на этой гардеробной есть? Там его могут спрятать?

- Какой-то есть... Я не помню.

Гадюка вежливо поинтересовалась:

- Тебе не будет противно спрятать меня под майкой? Вдруг мы столкнёмся с твоим отцом или с кем-то из слуг.

- Только не щекотать! – предупредила Маша и ловко сунула её за пазуху. – Тебе что-нибудь видно? Ты, вроде, не просвечиваешь.

- Будет крайне любезно с твоей стороны, если ты станешь проговаривать про себя, что видишь. В случае необходимости, разумеется. Считать ступеньки совсем необязательно.

Девочка весело откликнулась:

- Как скажешь!

И выскользнула из комнаты. Прислушавшись, Маша на цыпочках направилась к гардеробной. Дом словно затаился, но всё же в нём не прекращалась жизнь: доносилось звяканье из кухни, где-то скрипнула дверь. Ловя каждый звук, девочка быстро пробежала по длинному коридору второго этажа и остановилась у двери в углу.

- Мы пришли, - сообщила она вполголоса и тронула ручку.

Их обеих постигло разочарование: дверь оказалась не заперта, а внутри никого не оказалось. На всякий случай Маша всё же побродила между рядами старых шуб и костюмов, и даже позвала Лея по имени, но никто не отозвался. Ния в нетерпении высунула маленькую голову сквозь вырез горловины, и жадно принюхалась.

- Его здесь не было, - вздохнула она.

- Точно?

- Можешь не сомневаться.

- А ты умеешь искать по запаху? – оживилась Маша.

Но Ния обиделась:

- Я что – собака, по-твоему?

- Да ладно, не злись. Но раз у тебя такой нюх, почему бы его не использовать?

- Обоняние, а не нюх, - проворчала змея. Но быстро сдалась: - Хорошо, я попробую. Пойдём в коридор.

Маша тронула пальцем плоскую змеиную голову:

- Ты спрячься пока. Вдруг там кто-то...

Договорить она не успела. Дверь в гардеробную распахнулась, и отцовский голос резко выкрикнул:

- Кто здесь? Выходи!

Глава 22

Артистические способности

Потом самой было смешно и немного стыдно вспоминать, какой спектакль она разыграла. Застигнутая отцом в комнате, куда не заглядывала годами, Маша мгновенно сообразила, как оправдаться. Ещё не рассеявшийся до конца сон вспыхнул озарением. И когда отец с подозрением спросил, что она здесь делает, Маша громко всхлипнула, прижавшись к старому платью матери:

- Я так по ней соскучилась... Просто не могу уже!

И он поверил, ведь её рот кривился так жалобно, а плечики тряслись так горестно. Быстро подойдя к дочери, Николай Михайлович с состраданием обнял её, а Маша предусмотрительно прикрыла руками лицо и змею за пазухой.

- Мама скоро вернётся, - успокаивал он. – Три дня осталось. Потерпи, малышка.

От нежности, прозвучавшей в его голосе, у Маши и впрямь навернулись слёзы. Она подняла покрасневшее лицо:

- Хорошо, папочка. Я потерплю.

- Пойдём завтракать. Я как раз шёл будить тебя.

- А я уже проснулась, - повеселела она. – Вчера рано легла.

Краем глаза Маша проследила за его реакцией. Её попросту не было – Николай Михайлович верил каждому слову дочери. Обняв за плечи, отец повёл её в столовую, где, к счастью, не оказалось колдуна, которого Маша видеть не могла. Впрочем, отец никогда не приглашал его

к столу, и ни с кем не знакомил, хотя все знали о его присутствии в доме. Маша догадывалась, что её маму этот странный тип раздражал не меньше, но мужу она не перечила.

«А я не стану молчать, если мне не понравится то, что делает мой муж, - в такие минуты, сердито сопя, думала Маша. – Ещё не хватало, чтоб он тащил в дом всякую дрянь!»

Но та самая «дрянь» мелькнула в дверях столовой, когда отец с дочерью уже заканчивали завтрак. Стоило Николаю Михайловичу опустить глаза к тарелке, как Маша быстро кидала под футболку крошку хлеба или кусочек сыра. Это, конечно, была не совсем та пища, которую предпочитали змеи, но ничто на свете не заставило бы девочку допустить к своему телу живую мышь или кузнечика. Конечно, любую из её подружек и змея – да ещё ядовитая! - привела бы в неопикуемый ужас, но Маша больше не воспринимала Нию, как гадюку.

И вот, когда обе были уже сыты, мимо столовой скользнула тёмная фигура колдуна. То, что он постоянно ходил в накидке с капюшоном, как герой какого-то фильма о средневековье, вызывало у Маши презрительную усмешку. Но сейчас ей было не до смеха.

«Вот, кто точно знает, где Лей, - подумала она с ненавистью. – Даже, если отец не в курсе, этому известно всё!»

Ния тотчас откликнулась на её мысль:

- Выпусти меня, я поползу за ним.

Замешкавшись лишь на секунду, Маша спихнула мизинцем чайную ложку и, громко ойкнув, наклонилась под стол. Змея выскользнула на пол и стремительно кинулась следом за колдуном. Вынырнув из-под стола, Маша весело воскликнула, стремясь привлечь внимание отца:

- Папа, а давай на картах покатаемся? Ну, свози меня!

Он недоверчиво усмехнулся:

- Неужели тебе надоел твой компьютер? Я думал, ты и пяти минут без него прожить не можешь.

- А я возьму с собой планшет, - нашлась Маша. - И ещё кучу гаджетов, чтобы не скучать в дороге.

- Меня ожидает заманчивое путешествие в полном молчании, - вздохнул Николай Михайлович. - Ну что ж, съездим. Только не сегодня. У меня дела.

Мысленно она с радостью согласилась: «У меня тоже». Но изобразила неудовольствие, надула губы и поглядела на него исподлобья. Дело было сделано: гадюке удалось прошмыгнуть мимо него незамеченной.

«Главное, чтоб этот хитрый колдун её не поймал, - беспокоилась Маша. - Вот же свалилась на мою голову эта парочка - волнуйся о них! Хотя... Это, кажется, я свалилась на их головы. Странные они, эти двое. И отношения у них какие-то непонятные... Она - змея, он - пацан. А прямо прожить друг без друга не могут! Я же видела: он скучал по ней, когда был со мной. А я-то считала, что со мной не соскучишься!»

Когда завтрак был окончен, Маша вызвалась помочь отнести посуду на кухню, чтобы хотя бы пройти мимо двери в подвал. Николай Михайлович поглядел на дочь с удивлением, но охлаждать её хозяйственный порыв не стал. Решил: девочка взрослеет, её потянуло к кухне, как всех женщин. Он даже не представлял, насколько ошибается! Маша терпеть не могла кухонные запахи, и никогда не рвалась участвовать в процессе, даже если её маму вдруг посещало вдохновение, и она бралась что-то постряпать или запечь. Обычно этим занималась их кухарка Аглая - неразговорчивая и худая. В доме её прозвали «старой девой». Детей Аглая терпеть не могла, и Маша её избегала. Но отец всего этого, похоже, не замечал.

«У него - дела! - передразнила Маша, выходя из столовой. - Знаем мы эти дела...»

49939 (1) 153666

Ц.С.
г. Ленинск-Кузнецкий
Отдел культуры
АВОНЕМЕНТ

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МБУК "ЦБС им. Н.К.Крупской"

Из подвала не доносилось ни звука, и никого не было рядом с запертой дверью – ни человека, ни змеи. Но девочка решила, что это ещё ни о чём не говорит. Ей было беспокойно за Лея, но ещё сильнее Маша тревожилась за Нию – хоть она и гадюка, но ведь такая маленькая! С ней любой может справиться. А колдун, пусть и весь такой загадочный и со странностями, но всё-таки взрослый мужчина. И у него хватит сил...

Развивать эту мысль дальше Маша себе запретила. И как заклинание прошептала:

- Всё будет хорошо.

И вдруг услышала ответный шепоток. Или... Маша завертела головой, и ещё не найдя взглядом Нию, догадалась, что это был вовсе не шёпот, а змеиное шипение. Обвив лохматый ствол пальмы, стоявшей в холле, гадюка призывно дёргала кончиком хвоста. Быстро оглядевшись, девочка подбежала к пальме и присела:

- Прячься скорей!

Змейка юркнула под её майку и затаилась. Как раз вовремя, потому за Машиной спиной раздались чьи-то шаги. И глухой голос колдуна заставил девочку похолодеть от страха:

- Что-то ищешь? Или уже нашла?

Глава 23

Кабина времени

Лей ругал себя последними словами: попасться на удочку этого мерзкого колдуна! Глупее ничего и не придумаешь. Как можно было поверить, что он действительно способен переправить его в настоящий мир? То есть... И этот, конечно, настоящий, но очень уж отличается оттого, который Лей любил. И куда очень хотел вернуться.

Не было сомнений, что и Ния могла бы провести его назад подземными ходами, но колдун дал понять: для гадюки смертельно опасно расходувать драгоценный яд на всякие превращения мальчиков в ужей. Он не настаивал на этом, только намекнул, но тем скорее Лей поверил ему. Рисковать своей новой подругой он не мог, и решил положиться на колдуна, всю дорогу от озера увлечённо вравшего про кабину времени, которая перенесёт мальчика домой. Это звучало так заманчиво! И Лей не побоялся рискнуть: колдун предупредил, что это своего рода эксперимент, и никто ещё этой кабиной не пользовался. Но Лей же такой храбрый! Его не смутит роль первопроходца.

«Говорил мне отец, что лезть – оружие против глупцов, – мрачно думал мальчик, запертый в старом шкафу, который колдун выдал за кабину времени. – Вот меня и победили без боя...»

Кричать и стучать в стенки шкафа было бесполезно: колдун предупредил, что эта комната задумывалась, как студия, и звукоизоляция тут сделана на совесть. Когда-то Машина мама, оказывается, мечтала стать певицей... Колдун, правда, сначала сказал по-другому: поп-звездой. Но Лей этого выражения не понял, и пришлось перевести на человеческий язык. В шкафу до сих пор висели короткие платья, все в блёстках, в которых будущая певица, похоже, собиралась выходить на сцену. Лею вся одежда в этом мире казалась довольно странной, хотя расстаться с джинсами и кроссовками уже было жаль – в них оказалось так удобно бегать!

Мальчик попытался выдавить дверцу, упёршись ногами, но шкаф был добротный, дубовый, и всё в нём было подогнано на славу. Оставалось только сидеть внутри и слушать: вдруг Маша заглянет в эту комнату? Хотя искать его специально она не станет, ведь они расстались на берегу озера, и девочка уверена, что Лей где-то там. Даже если она сбегает на условленное место и не обнаружит там ни его, ни змеи, скорее всего, решит, будто

они вернулись свой мир. Не попросившись. Ну, бывают же обстоятельства, заставляющие пренебречь вежливостью!

Ни Маша и никто другой в студию не заходил, и Лей уже начал задыхаться в своём шкафу. Больше от злости на собственную беспомощность, чем от нехватки воздуха, ведь между дверцей и крышкой была приличная щель. Потеряв терпение, мальчик всё же начал колотить в стенки и звать на помощь, но никто не откликнулся.

«Ния! – взмолился он мысленно. – Прости меня! Пожалуйста, не сердись. Я сваял дурака, отправившись с колдуном... Признаю. Найди меня! Кроме тебя, мне никто не поможет».

Наверняка Лей не мог сказать: видела ли гадюка, как они уходили? Может, в этот момент она ещё была под водой, и не знает, убежал Лей от колдуна или попал ему в лапы. Он корил себя с тоской: «Она такая умная, ей и в голову не придёт, что я мог поверить этому чёрному человеку... Он тоже умный. Нашёл единственное, чем уговорить меня! А я один – круглый дурак!»

Была ещё Маша, о которой ему трудно было сказать с уверенностью: умная она или не очень. Ей казалось скучным просто беседовать о чём-то интересном, а Лею это нравилось. И Нии тоже. Зато девочка догадалась, как вскрыть отцовский сейф, а на это тоже не каждый дурак способен! Мальчик не мог не видеть, что Маша хорошенькая, и это ему нравилось. И всё же его не тянуло к ней так, как к маленькой гадюке, как бы странно это не казалось. С девочкой Машей они определённо были из разных миров. А вот Ния легко вписывалась в любой, но везде оставалась собой.

«Я скачаю по ней», - понял он и громко вздохнул, не боясь быть услышанным. Обхватив колени, Лей сидел в углу шкафа и пытался расслышать лёгкий звон колокольчиков, подаренный гадюкой. До неё он и не знал, что волшебство действительно существует. И ядовитая змея может стать лучшим другом. Это ли не чудо?

И вдруг произошло ещё одно! Лей услышал, как кто-то тихо позвал его по имени. С головой уйдя в мысли о Нии, он даже не сразу узнал Машин голос, но через мгновение очнулся и подпрыгнул в своём шкафу:

- Я здесь! Маша, открой!

- Ни черта себе забрался, - проворчала она за дверцей. – Ключа-то нет! Посиди там ещё немножко, я что-нибудь придумаю.

Но Лей так и не дождался, чтобы дверцы открылись, потому что прозвучал ещё один голос, который он узнал сразу же. Невидимый колдун ласково произнёс, обращаясь к девочке:

- Не трудитесь, моя прекрасная леди. Ключ от шкафа у меня. Впрочем, этот вовсе не шкаф! Это кабина времени. Ваш доверчивый друг не сомневался в этом, шагнул внутрь. Никто не толкал его силой.

Лея так и скрутило от стыда: «Ещё смеётся, гад!» И в приступе бешенства он несколько раз пнул дверцу. Донёсся незнакомый смех, который никому не захотелось поддержать. Оборвав его, колдун жёстко произнёс:

- Отдай мне змею, и твой отец не узнает, что ты предала его. Родного отца! Ты ведь уже проверила ваше родство, не так ли?

- А вы откуда знаете? – огрызнулась Маша, но Лей уловил неуверенность в её голосе.

Он застучал кулаками в дверцу:

- Маша, не отдавай ему Нию! Слышишь?

Внезапно его осенило, и мальчик высунул пальцы в щель над дверцей:

- Сюда! Дай Нию сюда!

В следующий миг раздался сдавленный вопль колдуна – это Маша со всей силы пнула его в очень чувствительное место по ноге ниже колена. И тут же в щель, с которой Лей не сводил глаз, просунулась плоская голова Нии. Вскрикнув от восторга, мальчик протянул

руки и принял змею в ладони. Ему показалось, будто она смеётся от радости.

- Мы снова вместе! – на миг Лей прижался губами к её шершавой коже. – Прости меня, дурака...

- Не объясняй ничего, сейчас не время, - ласково отозвалась Ния.

И они притихли, прислушиваясь к тому, что творилось снаружи. А там рычал от ярости колдун:

- Ну, хорошо! Пеняй на себя, маленькая, избалованная дурочка! Теперь твой отец узнает, как ты пыталась помешать ему разбогатеть.

- Он и так не бедный, - отрезала Маша.

- Денег много не бывает. Ты уже достаточно большая, чтобы понимать это.

- Вот именно! Я уже достаточно большая, чтобы понимать: деньги не делают людей счастливыми.

Маша произнесла это таким голосом, что Лею стало жалко её. А девочка продолжала на грани злых слёз:

- Я же вижу, что моя мама несчастна! И всё время пытается куда-то сбежать от этого, всё ездит, ездит... И папу счастливым не назовёшь. Он думает, что слитки золота, которые он украдёт в другом мире, согреют его? Ничего подобного! Золото - холодное. А вот змеи, оказывается, тёплые! Потому что они умеют любить и дружить!

- Не плачь, Маша, - попросил Лей. – Он не стоит того, чтобы видеть твои слёзы. Ты – замечательная девочка, и должна знать себе цену!

Ния прижалась к его плечу:

- Ты – настоящий рыцарь. Даже сейчас защищаешь прекрасных дам!

- Я и не плачу, - буркнула Маша.

Но колдун усмехнулся:

- Сейчас нет. Ты заплачешь через минуту, когда я позову своих помощников и открою дверцу шкафа. Вот тогда твоим тёпленьким друзьям не поздоровится.

Ния повернула голову и посмотрела мальчику прямо в глаза:

- Другого шанса не будет. Ты готов?

- К чему? – не понял Лей.

Вместо ответа в его руку впились два острых змеиных зуба.

Глава 24

А колдун-то лысый!

Прислужнику колдуна пришлось держать Машу, пока открывали шкаф, потому что девочка рвалась и пиналась, как одержимая. Но когда дверцы распахнулись не только она, но и все остальные застыли, как изваяния. Шкаф оказался пуст.

- Как?! – завопил колдун, сбросив капюшон.

Наверное, он вцепился бы себе в волосы и начал бы рвать их в отчаянии, если б уже не оказался абсолютно лыс. На миг это даже отвлекло Машу и рассмешило, тем более, с души её уже свалился тяжкий камень. Её друзьям удалось сбежать! Каким образом – это девочку сейчас не волновало. Позднее она, конечно, догадалась, что Ния опять обратила Лея в ужа, и в тот момент, когда колдун вышел в коридор, чтобы позвать своих слуг, змеи выскользнули через щель и скрылись. А Маша не сводила глаз с колдуна и тоже не заметила этого.

«Жалко, - вздохнула она. – Может, они хоть кивнули мне на прощание...»

В любом случае, девочка надеялась, что необычные друзья вспомнят её добрым словом. И – кто знает! – может, ещё когда-нибудь навестят этот мир, чтобы убедиться: девочке Маше не слишком холодно здесь без них.

Придя в ярость, колдун топал ногами и велел обыскать весь дом, но Машу это уже не беспокоило. Она точно знала, что змеи не станут медлить, и, конечно, уже

скрылись. За неё они тоже не волновались, ведь девочка оставалась с родными родителями, и больше не сомневалась в этом.

Когда шкаф с трудом отодвинули, в углу обнаружилась мышиная норка, через которую и сбежали Машины друзья. Она даже засмеялась от радости, увидев маленький ход.

- Отлично! Теперь вы их точно не поймаете!

Быстро приблизившись, колдун прошипел ей в лицо:

- Радуюсь?! Ты у меня ещё поплачешь!

Дыхание у него было зловонным, и Маша, сморщившись, отвернулась. И не заметила, как на пороге студии появился отец, слышавший шум.

- Ты угрожаешь моей дочери? – спросил он бесстрастно, но Маша хорошо знала цену этого показного спокойствия.

Кажется, она несколько не удивилась бы, если б сейчас её папа достал пистолет и... Но, к счастью, до стрельбы не дошло. Впрочем, Маша даже не знала наверняка, есть ли у отца оружие. В сейфе ничего не обнаружилось. К тому же Николай Михайлович был из тех людей, которые опасны даже невооружёнными. И всё же он оставался её родным отцом, и Маша чувствовала, что любит его и таким...

Тем же ровным голосом Николай Михайлович обратился к охраннику, державшему дочь:

- Отпусти её немедленно. И больше не прикасайся к моей девочке.

Крепкие руки, сжимавшие Машу, тотчас разжались. Бросившись отцу на шею, девочка горячо зашептала ему на ухо:

- Папочка, не надо ловить Лея с Нией! Они – мои лучшие друзья. И грабить другие миры не нужно! Это нарушит равновесие, понимаешь? Мне не нужны деньги, если ты для меня стараешься. Мне нужны только вы с

мамой. Я хочу гордиться вами! Потому что очень вас люблю.

Показалось или отец и впрямь наспех вытер глаза? Как бы то ни было, он шепнул в ответ:

- И мне ничего в жизни больше не нужно, малышка. Твоих друзей никто не тронет, обещаю.

И отрывисто приказал, обращаясь к колдуну:

- Убирайся из моего дома! Ты посмел угрожать моей дочери. Ты подверг риску её жизнь, организовав похищение.

- Так это он?! – подпрыгнула Маша и снова попыталась пнуть колдуна по ноге, но отец успел удержать её.

И сказал колдуну поверх её головы:

- Я позволил тебе слишком много. Даже задурить себе голову. Но теперь всё кончено. Уходи, если хочешь выжить.

Отступая к двери, колдун затравленно оглядел всех, зацепился взглядом за тёмную норку в углу, куда ускользнуло его счастье, и прошипел, как запуганная змея:

- Вы все ещё пожалеете!

Николай Михайлович оглядел поникших охранников:

- Все уволены. Мне нужны безоговорочно преданные люди. А вы – предатели. Эти слова не однокоренные.

Обняв Машу, он вывел её из студии, приговаривая так ласково, что у неё опять навернулись слёзы:

- Всё будет хорошо, моя девочка. Я тебе обещаю больше не творить ничего, за что ты могла бы стыдиться меня.

Когда дом оказался, наконец-то, очищен от чужих и ненужных людей, отец с дочкой отправились на картинг. И Маша даже не взяла с собой планшет. Может, в это трудно поверить, но устроившись за рулём карта и пустившись на полной скорости по извилистым резиновым дорожкам,

Маша впервые почувствовала себя стремительной змеей. И вдруг сообразила, что она и есть Змея – по восточному календарю. Ей же недавно исполнилось двенадцать! Она даже рассмеялась от радости: «А вдруг и я стану такой же мудрой, как Ния? И какому-нибудь мальчику станет интересно просто общаться со мной... И пусть он будет хоть немножко похож на Лея!»

...Как раз в этот момент Лея точно проткнуло насквозь раскалённой иглой. Изогнувшись от боли в узком земляном коридорчике, он вскрикнул:

- Ния, стой!

Скользившая впереди гадюка, бросилась к нему:

- Что, Лей? Тебе плохо?

- Не мне, - точно прислушиваясь к чему-то далёкому, отозвался он. – Мы должны вернуться. Я вдруг почувствовал... Не знаю, как это произошло! Но мне кажется, над Машей нависла угроза.

Он боялся, что Ния поднимет его на смех, но, помолчав, змея только вздохнула:

- Что ж... Значит, возвращаемся. Делай, что велит тебе сердце. Ползи первым, назад дорогу ты найдёшь.

«Если я ошибся, вот уж она отведёт душу – поиздевается!» - зная врождённую язвительность гадюки, переживал Лей. Но почти не сомневался в том, что предчувствие беды не обмануло его. Он пытался вспомнить, случилось ли подобное раньше, и не мог. Может, у него просто никогда не было таких друзей, которые готовы были за него, хоть в огонь, хоть в воду. И он за них... То, что такими друзьями могут стать девочка и ядовитая змея, стало открытием для него. Но Лей уже догадывался: жизнь как раз из таких открытий и состоит.

Вернувшись в дом, с которым уже распрощались навсегда, они почти одновременно уловили слабые вибрации, исходящие из Машиной комнаты.

- Если это она, и всё в порядке, не будем ей показываться, ладно? – попросил Лей. – Она уже начала привыкать к тому, что мы ушли из её мира. Пусть так и будет.

Ния согласилась с ним, не вымолвив ни слова.

Однако в комнате оказалась вовсе не Маша... Ещё не увидев глазами, Лей содрогнулся от враждебного запаха колдуна. От Нии пришёл сигнал «Я поняла!», хотя мальчик ещё ничего не успел подумать. Ей всегда удавалось опередить его мыслью, но это ничуть не задевало.

Угрожающе нависнув над Машиной кроватью, колдун совершал медленные пассы своими длинными, костлявыми руками. Капюшона на нём не было, и Лей впервые увидел вытянутую безволосую голову своего врага. На какой-то миг ему даже стало жаль этого некрасивого, никем не любимого человека, находившего радость в совершении зла. Но тут же Лей очнулся: если сочувствовать злодеям, добро не победит никогда! А ему так хотелось, чтобы на землю пришло Царство Божие, как просила в молитвах его мать.

- Остановись! – свирепо прошипела Ния.

Дёрнувшись от неожиданности всем телом, колдун рывком повернулся к змеям и закричал:

- Уйдите отсюда! Я всё равно закончу то, что начал. Я лишу его самого дорогого, как он лишил меня своей дружбы. Думал, можно просто выкинуть колдуна из дома и остаться безнаказанным?! Уйдите, мерзкие твари! Вы не мешаете мне!

«Что делать?! – ужаснулся Лей. – Я – всего лишь безобидный уж. Как я могу справиться с человеком?!»

Но ему и не пришлось ничего делать. Ния одним броском перенесла своё золотистое тело на ногу колдуна, и прежде, чем тот успел сбросить змею, впилась ядовитыми зубами в его лодыжку. Раздался вопль, который услышал бы даже глухой... Но Лей не услышал. И всё же его так и подкинуло звуковой волной.

- Отвернись! – приказала ему Ния, отпрянув назад.

Послушно свернувшись колечком, Лей попытался угадать: «Что сейчас будет? Он погибнет или превратится? И в кого?» Пол в комнате сотрясался от мучительной агонии колдуна, и было похоже, что тот всё-таки умирает. Только почему-то Лею уже не было жаль его. Пытаясь отвлечься, он заполз на письменный стол и подцепил цветную трубочку, которую Маша называла фломастером. Орудовать хвостом было непривычно, и цветок вышел кривоватый, но почему-то Лей был уверен, что девочка не выбросит рисунок.

Когда Ния позволила посмотреть, Лей быстро обернулся и, чуть не свалившись со стола, в изумлении уставился на... ужа! Тот метался по углам, разыскивая своё человеческое тело.

- Ну, зачем в ужа-то?! – воскликнул Лей в отчаянии.
– Ты что, не могла превратить его в другую змею?

- А тебя оскорбляет такое родство? – усмехнулась гадюка. – Не переживай. Скоро ты снова станешь человеком. А он... Он, по крайней мере, будет безопасен. Кто может быть безвреднее ужа?

Глава 25

Заветный день

- Я знаю, ты не останешься со мной.

Ния не смотрела на него, и потому казалось, будто у неё в глазах стоят слёзы. Отвечать не требовалось, раз она сама всё понимала. Но Лей всё же тихо произнёс:

- Я должен помочь своей семье. Им очень нелегко живётся.

- Я понимаю, - заверила она.

- И не обижаешься?

Мальчик протянул ладонь, и змея заползла на неё, свернувшись колечком. Им обоим показалось, что за

считанные часы ладонь Лея стала больше. Иногда взросление происходит вот так – рывком. Лей действительно чувствовал себя совсем другим. Прежде у него никогда так сильно не болело сердце.

До боли куснув губу, чтобы не расплакаться, он тихо спросил:

- Неужели мы больше не увидимся?

- Каждый должен жить в своём мире. Я рождена змеей, ты – мальчиком. Всё так и должно оставаться.

Они сидели на крутом берегу реки неподалёку от башни, в которой ещё недавно был заперт Лей. Но приблизиться к ней ни у кого желания не возникло. На другом берегу стоял дом Лея, не различимый сейчас среди других, казавшихся кособокими отсюда, точно нарисованными детской рукой. Или хвостом... Прежде Лей не замечал этого.

Не удержавшись, мальчик всхлипнул:

- И я не услышу звона колокольчиков? И не взгляну на небо сквозь паутину? И сухой дождь тоже не увижу?

- Привилегия быть человеком требует отказаться от многого, - заметила гадюка.

- Я согласен отказаться от плохого! – с жаром заверил он. – Никогда в жизни я больше не позарюсь на чужое! И в друзья буду выбирать лишь тех, с кем становлюсь лучше. Как с тобой.

Ния отозвалась совсем тихо:

- Спасибо.

- Но от хорошего-то зачем отказываться?!

- Может, и не придётся отказываться совсем, - вдруг сказала она. – Если ты согласен, я могу подарить тебе один день в году.

Лей сразу же разволновался:

- Какой день? Как это – подарить?

- Любой день. Хотя бы вот этот. И он будет только нашим! Я буду приходить к тебе каждый год именно в этот

день, и превращать тебя в ужа. Тогда ты снова сможешь услышать колокольчики и увидеть небо в серебре паутины.

- А потом...

- А потом каждый из нас опять вернётся в свой мир. Чтобы прожить в нём триста шестьдесят четыре дня. Поверь мне, эти дни будут не хуже! Хоть и другими.

- Совсем другими.

Блестящей змеей река ползла мимо, и мальчику подумалось, что теперь на берегу ему всегда будет вспоминаться Ния. Чтобы добраться до дома, предстояло переправиться вплавь, но это не пугало, ведь река была узкой и неглубокой. Приятная мысль о том, что скоро вода ласково смоеет с него грязь последних месяцев, которая вновь стала ощущаться в своём мире, показала Лею предательской: он уже нашёл, чему сможет радоваться, когда его покинет Ния. И мальчик изо всех сил старался даже не смотреть на реку. Ему хотелось думать только о своей змейке.

Шершавый кончик хвоста нежно коснулся его мокрой щеки:

- Знаешь, когда есть ради чего жить, преобразается всё вокруг. Ты не будешь постоянно думать о нашем тайном дне, но память о нём будет жить в твоей душе и согревать её в самые стылые времена. Поверь мне, никто не может пребывать в счастье круглый год! Ни цари, ни герои, ни красавицы. Жизнь дана не для этого.

Шумно втянув слёзы, мальчик утёрся рукавом. На нём снова были его старые лохмотья, но об этом Лей как раз жалел меньше всего.

- А для чего? – спросил он.

- Может, я ошибаюсь, - предупредила Ния. – Но мне кажется, что жизнь дана для того, чтобы подарить как можно большему числу людей хотя бы по одному счастливому дню. А потом они подарят такой светлый день другим. И в мире станет больше солнца. Смысл нашего существования – и людей, и змей – в том, чтобы сделать

мир, подаренный нам ненадолго, хоть чуточку лучше, чем он был до нашего прихода.

Притихнув, Лей слушал её, больше не сдерживая слёз и не стесняясь их. Они медленно текли по лицу, но как ни странно, мальчик чувствовал, как ему ощутимо становится легче. Как будто горе расставания выходило из его души, сменяясь радостью будущей встречи.

- Ты обещаешь? – умоляюще проговорил он, когда Ния умолкла. – Он точно будет – этот наш день?

- Обещаю, - сказала она твёрдо. – Главное, чтобы ты не забыл о нём и пришёл сюда, на это место. Иначе нам трудно будет встретиться. Мир так огромен! К тому же он не один, как ты понял.

Лей улыбнулся:

- Да уж... Я приду, Ния. Я обязательно приду сюда через год.

- Я буду ждать.

Внезапно у него похолодело сердце:

- Ния! А сколько живут гадюки? Сколько тебе сейчас лет? Ты ведь так и не сказала...

И тогда Лей снова услышал её смех:

- Мы долго будем вместе, мой рыцарь! Потому что в жизни всё же случаются чудеса!

Яна-Мария Курмангалина родилась в 1979 году в Башкирии. Детство прошло в Западной Сибири – в трассовом поселке Хулимсунт. Юность – в Краснодарском крае и Ростове-на-Дону.

Окончила Литературный институт им. А. М. Горького, и получила кинодраматургическое образование во ВГИКе им. С. А. Герасимова.

Автор трёх книг стихов – «Белые крылья», «Вид из окна», «Первое небо».

Яна-Мария Курмангалина
г. Москва

по ночам из сети он качает порно
она спит и во сне говорит - мне грустно
ему кажется все это слишком вздорно
а ей кажется все это слишком пусто
он губу закусив проверяет почту
он пакует файл отправляет другу
а она во сне повторяет строчку
из какой-то песни и все по кругу
говорит - мне грустно такое дело
говорит - я вижу тебя так мало
говорит - мне холодно мерзнет тело
и отбрасывает одеяло
он глядит на нее на экран с экрана
на нее в экран на нее и кто-то
в голове вздыхает - вставать так рано
потому что поздно а там – работа
отключает сеть и идет к жене
и ложится - спина к спине

у тебя на днях сломалась
то ли катя то ли настя
то ли ася из пластмассы
то ли кора из фарфора
говорила настя - мама
говорила ася - здрасте
но взяла да замолчала
и не вышло разговора

ты прикладываешь ухо -
и не плачет и не хнычет
и фарфоровому взгляду
все давно уже не рады
у нее лицо белуччи
у нее внутри давинчи
то ли катя то ли кора
ну чего ты ну не надо

нет спасенья вечерами
ни в одном из мураками
отчего же в этих настях
все устроено так тонко
мастера сказали - поздно
часовщик развел руками
говорит - сломалось сердце
безнадежная поломка

раннего утра густой пломбир
взбитого облака крем-брюле
кружится в сонных чайниках мир
в чашке на клетчатом ждет столе

голос будильника - трень и брень
из-под подушки сердитый взгляд

плащ из сатина - во взрослый день
курточка с бэтменом - в детский сад

тот же у нас впереди маршрут
мимо дворов и кирпичных стен
мама а может я робин гуд
мама а может я питер пен

знаешь загадку про а и б
все очень просто - смотри смотри -
буквы на рыжей сидят трубе
мама ведь там их не две а три

мама давай мы возьмем ведро
будто бы ягоды в нем носить
аз буки веди глаголь добро
альфа и бета и эй би си

темный узор на асфальт налип
птичьих крестов и собачьих лап
цепи качельные - скрип и скрип
дождь начинается - кап и кап

в шумный город прорастает вечер
мнется день как серый пластилин
с постера подмигивает черчилль
невесомой юбке мерилин

буйство песен ветреных и летних
облетит как с белых яблонь цвет
приходи в тоску тридцатилетних
где ты будешь сам себе привет

скрещивая пальцы на удачу
буднями осенними влеко

ты не пожалеешь не заплачешь
разувшись шляться босиком

отболев покатится за тридцать
жизнь моя (иль ты приснилась мне)
где ты будешь - сам себе вещьца -
о любви гадать на потебне

кофе пить замешанный на густо -
синем дыме стихотворных строк
там где черчилль - головой на вудсток
и окно выходит на восток

они не разговаривают год
он ей не друг не враг не антипод
скорее мир впечатанный в сетчатку
всё так же делят общую кровать
кто первый разучился целовать
кем изначально брошена перчатка

никто не помнит он глядит в проём
окна и заглушает вискарём
молчание густеющее между
где бьётся ровно сердце под рукой
где он её лирический герой
она его последняя надежда

последний стих последняя глава
где время есть (кружится голова
от запаха имбирного печенья)
сплотившись в ожидании гостей
обнять внезапно выросших детей
заехавших к родителям в сочельник

катится снежным валом густая сырость
серое утро ходит по головам
я без тебя ношу этот снег на вырост
там где обычно небо трещит по швам

темный январский ветер заводит танцы
трется у стен отрывается от земли
мы невидимки летние самозванцы
солнечные и нищие короли

снег наплывает и сокращает мили
в долгие песни зимний вобрав азарт
мне без тебя все речи на суахили
там где обычно всё говорят глаза

там где обычно мало дано для счастья
летние боги мы невесомей всех
жгучий январь сжимает моё запястье
в пальцах холодных и тянет куда-то вверх

я выхожу и отключаю свет
и гаснет вместе с завитком вольфрама
туманом заштрихованный портрет
оконная белеющая рама

кривой обломок розовой луны
на шторы не отбрасывает тени -
колышутся индийские слоны
в лиловую сгустившуюся темень

вся комната сжимается в комок
пытаясь нервно выскользнуть из мрака
вздохнет во сне как маленький щенок
невидимая черная собака

и заскулит о чем-то о своем
проснется встанет перейдет чуть ближе
к порогу беспокойно нос облизнет
и вновь уйдет в щенячье забытье

предрассветной прохладой скован
куст цепляет меня за рукав
это осень пришла в подмосковный
золотисто-зеленый анклав

это падает в черную воду
пересушенный ветром сорняк
это летнюю сонную одурь
все стряхнуть не удастся никак

льется утро в небесную полость
отражается свет от реки
это осень ее дневниковость
начинается с красной строки

будут тени ложиться на плечи
будут дальние чащи видны
где смертельна инъекция речи
в первобытную кровь тишины

Куницын Игорь Николаевич родился 25.05.1976 в Коми АССР в г. Печора. Закончил в 1998г. Архангельскую Медакадемию. В 2001 поступил в Литинститут в Москве.

Лауреат премии Сергея Есенина, Илья премии и премии «Золотое перо».

Печатался в журналах «Интерпоэзия», «Новая юность», «Крещатик», «Немига», «День и ночь» и в др.

Книга стихов «Некалендарная зима» 2008г.

Игорь Куницын **г. Домодедово**

Не ведаешь, обедаешь,
вдруг, бац, встаёшь, идёшь –
с деревьями беседуешь,
людей не узнаёшь.

Стоишь под сливой, вишнею,
рябиной у пруда –
в итоге восьмистишие,
остывшая еда.

И на туманном Альбионе
и в Домодедово у нас
возможно, стоя на балконе,
увидеть серое сейчас
густое марево и морось,
и там, наверное, грустят,
обняв перила, курят порознь
и за цветами прячут взгляд.
Тут над Пахрою, там над Темзою

картина видится одна:
сырое небо бесполезное –
горизонтальная стена
лежит на здании парламента,
пришита чайками, рыбаки
не помнит прошлого, всё правильно,
не помнить прошлого – пустяк.

Сегодня снегу навалило,
хватило бы на две зимы
и на четыре бы хватило.
А это март! А это мы

глазем, недоумеваю,
на аномалию в окно,
я на работу опоздаю,
но дочитаю в пробке о

переживаниях героя,
его метаниях и проч.
Его желания второе,
он это знает и не прочь

сойти на каждой остановке,
но, к сожалению, экспресс
его везёт без остановки,
а персонаж глядит на лес...

А лес глядит на персонажа
и тоже думает: «Стою,
и никому неважно даже
узнать историю мою».

Наступит вечер, скучно станет,
и мальчик удочку оставит
из лёгкой ивы между ив,
в заливе ноги промочив.

Не стоит удочку такую
усталому нести домой,
а украдут - найдёт другую,
из ивы сделает тугой.

Он носит ножичек в кармане,
орешник тоже подойдёт,
а лето кончится вот-вот,
вот-вот ловиться перестанет.

На стенке грязной и сырой
кассетных полмагнитофона,
и скотчем склеенный большой
плакат помятый со Сталлоне.

Покрылся пылью пулемёт,
глядит Сильвестр сквозь дым табачный.
Как ты попал в вагончик дачный
и что с тобой произойдёт?

Быть может, через двести лет
здесь вырастет прекрасный город,
и полувыцветший портрет
найдёт счастливый археолог.

Дань отдавая красоте
и силе, вывесит в музее.
Так в споре проиграют те,
кто говорил, что Шварц сильнее.

Иркутским воздухом дыша,
я чувствовал, как под карманом
дрожит испуганно душа,
и вырастает в сердце рана.

Когда я ехал на Байкал
вдоль Ангары, на сопки глядя,
я понимал, что мне пока
ни ты, ни эта даль не рады.

Я сам себе пока не рад,
и вот уже восьмые сутки,
уставший от дороги, над
землей приподнимаю сумки.

Помимо книжек и белья
они наполнены печалью,
в карманах пусто: «Жизнь моя,
тебе я дальше не начальник!»

На сугробе дети в «Царя горы»
целый день играли вчера, смеясь.
Если кто не знает, то цель игры -
выше всех забраться и не упасть.

А тебя хватают за всё подряд
и плечом толкают и бьют ногой,
каждый хочет всеми другими над
воцариться, чтобы владеть горой.

Постепенно съехал с ноги башмак,
на макушке чья-то лежит ступня,
ты наверх стремишься то так, то сяк.
Это всё, пожалуй, что - про меня.

Это всё, пожалуй, что - про тебя:
ты стоишь на самом верху горы
и не знаешь, кто и когда, любя,
тебе скажет просто – конец игры.

А.П.

Дни проходят одинаково,
время встало и стоит,
снится лестница Иакова,
а под ней Иаков спит.

Крепко спит, не просыпается.
Слышу шум кошачьих лап,
тихо ангелы спускаются,
заливая светом трап.

Сосчитаю до двенадцати –
раз, два, три, четыре, пять...
«Истинно, Господь является.
Мог ли я об этом знать?»

Или сделаю движение,
испуская рыбий вздох.
Эта резь в глазах и жжение -
на меня глядящий Бог.

Или вскрикну, словно женщина,
пробудившись ото сна.
Зарастает в небе трещина,
птичьья капает слюна.

Алена Шипицына (Иванке) родилась 4 августа 1980 г, в д. Улзет, Аларского р-на, Иркутской обл. В 1985 г семья переехала в с. Аларь. С 2002 года живёт в Иркутске. Автор сборника стихов «Вовремя». Публиковалась в журналах «Байкал», «Юность»; альманах «Иркутское время», «Зелёная лампа».

Алёна Шипицына-Иванке
г. Иркутск

Дочери Александре

Бог индейцев затеплил солнце,
Пробудились дымы и ливни.
Золотая моя, найдётся
Молодой, озорной, красивый.
Мы, рождённые рыжей степью,
Так отчаянно-лучезарны.
Золотая моя, ты крепни,
Телом, духом, клинком и кармой.
Мы пойдём по тропе шамана,
Побеседуем с белым камнем.
Нас хранят тайники-туманы,
Нам вожатые - ветры-стаи.
Чем не прерии - наши дали?
Словно воины строим обо.
Мы с тобой ещё не летали.
Золотая моя, попробуй!

Только Эмоции

Это только эмоции, милый, только эмоции.
Мы никогда не проснёмся под одним одеялом.
Это же фикция, фальсификация,
Толлинг, мать его, что же тебя удивляло.
В этих играх, где платят за притяжение безразличием?
Лицемерие? Холодность? Равнодушие?
Ты не купишь меня за наличные,
Не узнаешь, какое ношу кружево.
Мне плевать на весь мир, милый, честное слово.
На себя мне не меньше плевать. Смысл!
Рыться в тонкостях тлена, искать славы,
Наблюдать, до какого "ничто" выгорают листья.
Я сама выгораю марихуаной,
Рассыпаюсь под пальцами пыльным гашишем.
Выбирай же в подруги Мари, Анну,
С ними точно тебе не снесёт крышу.
Уходи, если нужно...ступай без оглядки.
Это только эмоции, только аменц..
Не прельщайся, не будем играть в прятки.
Расстаёмся. Теперь уже точно - конец.

Утро

Ты заморочил мои нервы, мысли, пальцы.
Мои бинокли перестали видеть небо.
Твои ладони стали воском уходящим.
Мои минуты обернулись монолитом.
Перевернуть бы все плетёные корзинки.
Перечеркнуть бы этот месяц, солнце, воздух.
Надеть ботинки, полушубок, скинуть кожу
И прямо в прорубь, чтобы плавать с карасями.
А помнишь, были "уси-пуси", козинаки
И кавер наших отношений сшит из пыли.
Любили думать вместе, пить и видеть знаки,

И собирать браслеты, типа, жили-были.
Намедни утро было тёплым, откровенным
Цикорий пили, вспоминали бухту Ая.
И понесла тебя в туман чужая стая.
А я - скучать...Пиши мне письма. Иногда.

Забудь

Молчи и засыпай.
Мир не такой хороший.
Здесь чувства за гроши,
А правды ни на грош.

Молчи и засыпай.
Мечтай, но осторожно:
Один - но не в глуши,
Герой - но не Гаврош.

Молчи и засыпай
Пускай тебе приснится
Скала, пещера, грот...
"Цветущий яркий май".

Дурную кровь знамён,
Гвоздику на петлицах,
Запретный алый плод
Забудь и засыпай.

У подруг о тебе

У подруг о тебе, слава Богу, сегодня ни слова.
Им обычно так хочется знать, с кем ты завтра проснёшься.
У меня распорядок привычный: кино в полвосьмого,
Приготовить пирог и дожидаться, когда ты вернёшься.

Привыкаю молчать. Что сказать? - Десять лет - это подвиг.
Ты немного моложе, но тоже с тонометром дружишь.
- Хочешь поцеловать? Лучше, чтобы какой-то был повод.
- Хочешь поговорить? Нет, для этого повод не нужен.

У подруг о тебе по субботам в кафешке застолье.
Ведь они знают больше. И мне, кое-что, по секрету.
Только им невдомёк, что теперь мне несколько не больно.
- Дорогой, хочешь к чаю большую конфету?

Десять лет - это значит, торжественно-тихо
Поправляю на лбу волосок, на плече одеяло.
А подруги, они-то и есть - наше лихо,
Наш крадущийся тать. - Слушай, как хорошо, что их мало.

Весной

Что теперь остаётся - погрязнуть в своём одиночестве?..
Запирайся от всех, оставайся с торшером на ты.
Догадайся, гадай, начинай уже верить в пророчества,
Всё здесь, деточка, только пустые понты.
Не выдумывай Греев, довольствуйся ближним Обломовым
Ведь и ты не Ассоль, и Сибирь не щедра на моря.
И живи в своём скучном и тусклом сознании ломаном
И суши свои вёсла, скорее, давно якоря.
Что ты, детка, - Сервантес!? Оставь эти возгласы.
Есть четыре стены, остальное - вранье и отстой.
...только что это, нежное, светлое в воздухе?
Неужели, весна? Боже, как она пахнет мечтой!

Ивкин Сергей Валерьевич. Поэт, критик, художник.

Родился в Екатеринбурге в 1979 году. Получил художественное образование. Работает в сфере производства русских сувениров. Автор 5 книг стихотворений. Один из составителей Третьего тома антологии Современной уральской поэзии и энциклопедии Уральской поэтической школы. Лауреат Первой Санкт-Петербургской премии им. И.А. Бродского. Член Союза писателей России.

Сергей Ивкин
г. Екатеринбург

Уточка на голове
перья раскроет – схлопнет,
как будто веер.
Ты говоришь:
*Я тебе больше не верю,
не ощущаю твоей защиты,
век наш измерен, сочтён, засчитан,
карма окончилась,
мы можем жить,
но не вместе.*

Уточка на голове
клювом поводит налево–направо.
Ты говоришь:
*Мы встретились слишком рано,
не пережив привычку
засыпать в обнимку,
быть с кем-то вдвоём.*

Уточка на голове
хвостик свой чёрный поднимет – опустит.
Ты говоришь:
Давай, друг друга отпустим.
А мы и не держим.
Не держимся.
Не дорожим.
Не дружим.
Я научилась испытывать ужас
неразличения гендера,
неразделения тела и духа,
музыку слышать
за гранью возможностей слуха:
брежит откуда-то,
нарастает,
тает.
...
Уточка
улетает.

лучшие чувства вне осязания:

рокот общей молитвы,
перекатывающийся между лиственниц,
следующий за овцами тумана
по спинам Алтайских гор

радужные аэростаты
над закрытым городом,
куда я не был официально допущен,
никогда в нём не существовал

шорох шагов за стеклянной дверью
в пустую комнату
фамильного поместья
с призраком лесничего

цветные блики на лице
женщины настолько родной,
что даже тень измены через четыре года
сведёт меня с ума

не прикоснуться
не отвести руку

выпадают молочные города
преподносят уроки совиной речи
ведут сквозь картезианский валежник

примерил стрекозиные глаза
прошёл по облакам водомеркой
стерлядью волжской заглотил воздух

душа стоит на берегу
в синяках и проколах
ждёт пока тело немного просохнет

Девочка. Зимнее солнце.
И невозможность объятий.
И невозможность измены.

В каждый листок наливает,
словно нарзан на банкете,
то обещание лета,

только которым мы живы,
только которому верим,
только которым и дышим.

Медленно стянута скатерть,
и сквозь голодные рёбра
тянутся в небо побеги.

Ты обними на прощанье.
В комнате города пусто.
В сердце под кольцами жарко.

Сидеть на облаке,
хлопать в ладоши,
обнимать, чтобы не сдуло
снижающимся самолётом,
кидаться молниями,
опрокидывать снег,
в две лейки
гонять по городу
одинокую кошку –
всё это у нас будет,
но только после слов,
которых мы *друг другу*
так и не скажем.

Так стоят они
мужчина напротив женщины.
Он её спрашивает:
«Кто я для тебя?»
Она ему отвечает:
«А кто я для тебя?»
Он:

«Видимо, моя смерть.
Так долго держала моё сердце
в ладони,
что стало оно окариной.
Отпустишь отверстия –
не успеют они зарубцеваться».
Она:
«Я буду отводить пальцы по одному».

Алёне

О чём могла плакать вполголоса
на берегу океана
пятнадцатилетняя девочка
под чёрным и липким воздухом чужого дома?

Меня не перебрасывали из чрева в чрево
две сестры лисьей крови.
Меня не вылизывала корова
из глубины солёного метеорита.
Я родился в песне заиндевевшей девочки,
просоленным древесным зигзагом застывшей на берегу.

На'йре-на'йре-на'йре...
У'ндо-у'ндо...
На'йре-на'йре...

Большое серебряное блюдо,
медленно шевелящее плавниками.

Ольга Гуляева родилась в 1972 году в городе Енисейске. Окончила психологический факультет Красноярского педагогического университета. В 2010 году заняла второе место в краевом литературном конкурсе «Король поэтов», по итогам конкурса издана книга стихов «Бабья песня». Стихи публиковались в альманахе «Енисей», журнале «День и ночь», газетах «Енисейская правда», «Красноярский рабочий», а также коллективных литературных сборниках. Индивидуальный предприниматель, живет и работает в Красноярске.

Ольга Гуляева г. Красноярск

Ми-8

А в природе и нет никаких голубых вертолётов -
Есть Ми-2 и Ми-8, и Ка-26.

Голубой вертолёт был придуман для ровного счёта -
Чтобы дети считали, что в мире волшебники есть.

Голубой вертолёт - это вымысел детских поэтов -
У поэтов, известно, всегда нелады с головой.
Папа мой прилетал в вертолёте защитного цвета -
Привозил осетрину, икру и людей с буровой.

И вода в Енисее всё та же, и небо над кронами сосен,
И деревни всё те же, и те же стоят города,
Но другой бортмеханик летает теперь на Ми-8
Только звук отличу от других и услышу всегда.

А волшебники есть. Снова лопасти крутят пространство,
Даже если на том берегу и почти что затих,
Даже если оранжевый, авиалесоохранский -
Это папа в Ми-8 по синему небу летит.

Серёга

Да, Серёга, мужик ты, конечно, достойный, приличный,
В меру пьёшь, в меру куришь, достаточно толстый,
Но уж если от мужа гулять, то гулять с Камбербичем -
Ты, Серёга, не тянешь на Шерлока Холмса.

Мне серёжки подаришь? С алмазом? Да ладно, иди ты.
И колечко подаришь? Оно золотое?
Бенедикт голубой? Мне не стоит гулять с Бенедиктом?
Можешь сутки подряд? С Бенедиктом в натуре не стоит?

Мы бы с ним бы уехали в глушь, мы осели бы в Томске -
Потихоньку от мужа, чтоб муж ничего не заметил.
Завели бы свиношек и прочих домашних питомцев,
Завели б огород, и у нас появились бы дети.

Завели бы курей, развели б на продажу бульдогов,
Камбербич целый день у меня б отработывал брекфест.
Я не буду с тобой, извини, ты не Шерлок, Серёга.
Мне не надо кольца, мне не надо преступного секса.

Для души, говоришь? Открываешь мне чистую душу?
Достаёшь для меня из своей головы тараканов?
Ты, Серёга, не Шерлок. И ты мне, Серёга, не нужен.
С Бенедиктом бы да. А с тобою, Серёга, не стану.

Донателло

Лучше совсем ничего своего не делать,
Лучше не дёргаться, лучше не гадить в прану,
Если себя не чувствуешь как Донателло,
Вынашивающий "Голову Иоанна".

Вся мировая скорбь разойдётся, оставшись в белом,
Уже ничего не сможет казаться странным.
Стать Донателло. Думать как Донателло.
Быть Иоаном. Стать головой Иоанна.

Быть червяком, планетой, звучать органом
В каждой секунде любого живого тела,
Как Донателло внутри головы Иоанна.
Как голова Иоанна внутри головы Донателло.

Куриный суп

В подъезде пахло чьим-то куриным супом.
Она вошла, и он за нею вошёл в подъезд.
В короткой юбке, с разрезом, на шпильках - сука.
В квартирах люди - каждый в своей семье.

А смысла в крике, если в короткой юбке?
На первой кнопке что-то поёт Алсу,
В квартирах семьи, дети, и им уютно,
И вкусно пахнет чей-то куриный суп.

- Давай уже по-тихому, по-соседски -
Не будешь вякать, сука, и не убью.
В короткой юбке - значит хотела секса, -
В квартирах семьи, дети, тепло, уют.

А завтра рано вставать и идти на сутки.
И Супермен с Терминатором всех спасут.

А нехрен шастать ночами в короткой юбке.
И вкусно пахнет чей-то куриный суп.

Бобино золото

Бобина боба за ней отдала хрусталь,
И подстаканники из мельхиора, и красный резной буфет.
А комиссар (раньше он был золотарь)
Требовал золото и наставлял пистолет.

Бобу кормили солёной селёдкой и не давали пить,
Бобу в тридцать девятом едва не скормили вшам.
Боба тогда очень хотела жить.
Крепко была приколочена к телу её душа.

Бобу поставили к стенке, стреляли на рикошет.
Боба лежала в камере, вся в крови;
Бобой ещё немного покормят вшей.
На бобу непросто будет уже давить.

Время бежало, боба жила в любви,
Потом сорок первый грянул, как с неба гром.
На стареньком фото - сын её - фронтовик,
Красивый еврей, погибший в сорок втором...

Было ли бобино золото, не было ли его...
Что бы случилось, будь комиссар добрей...
Моя прапрабабка. Не знала её живой.
Но я не люблю комиссаров и золотарей.

Было ли бобино золото? Было. А может, нет.
Но говорят, в огороде в нашем закопан клад.
Стоит под навесом бобин резной буфет.
Боба хотела жить. И она жила.

Ирина Цхай, родилась в г. Барнауле Алтайского края. Закончила биологический факультет Алтайского государственного университета. Член Союза писателей, автор стихов и прозы для взрослых, трех книг для детей. Проживает в г. Барнауле.

Ирина Цхай
г. Барнаул

Дом на окраине

...Мойра стряхнула в кипяток остатки черной муки с ладоней, посолила и принялась размешивать суп деревянной ложкой.

Кусочки теста кружились в мутной воде, становясь все прозрачнее с краев. И ей казалось, что в этом горшке существует своя жизнь, протекающая по своим законам... Она бросила в бульон крупно накрошенную луковицу и принялась вылавливать из горшка кусок свиной кожи, чтобы нарезать ее тонкими полосками и разложить по мискам, посыпав толченым чесноком.

Огонь уже почти погас, и угли слабо потрескивали. Мойра была довольна, что ей удалось так точно набрать нужное количество дров. Она разворошила очаг длинной кочергой, вытерла руки о передник и принялась накрывать на стол.

Этот стол запомнился ей еще с детства, когда отец только-только принес его из сарая, заменявшего столярку. Столешница пахла смолой и немножко – табаком. А с ее

нижней стороны можно было отколупывать маленькие красноватые стружки. Каждую пятницу мать скребла его широким тяжелым ножом и натирала крупным песком.

...После гибели отца мать полгода ходила из угла в угол, бесцельно перебирала старые тряпки, не обращая внимания на забившихся в угол детей...

Однажды утром она навсегда покинула дом, и двенадцатилетняя Мойра стала воспитывать братика и семилетнюю сестру одна...

Они наверняка умерли бы с голоду, если бы не корова, которую Мойра берегла пуще зеницы ока. Мойре вспомнилось, как однажды, вернувшись с пастбища, корова даже не притронулась к теплomu пойлу и потом лежала, печально глядя детям в глаза...

Подобрав холщовый подол, девочка долго молилась, прижимая к груди холодные, в цыпках и царапинах, руки, и бог услышал ее, и корова осталась жива. Мойра долго не решалась притронуться к ее вымени, пока корова сама не ткнулась мордой, погладив ее ладонь теплым шершавым языком. Мойра отправила детей за свежей травой, и вскоре их уже поджидала долгожданная крынка молока.

С тех пор прошло так много времени, что Мойра даже удивилась своим воспоминаниям, как и внезапно напомнившим о себе родным лицам...

Она разлила похлебку в две большие миски, в одну добавила немного масла, а другую поставила на широкую низкую скамью.

- Обедать!..

Услышав ее голос, в избу вбежал старый лохматый пес и стал бесшумно лакать суп, упираясь лапами в скамью и виляя куцым хвостом...

Рябиновое варенье

...Лист плавно оседал на паркет, переливаясь, переливаясь сухими жилками.

«Это так красиво – красный листочек на желтом паркете!» – подумалось Вике. Будто снова началась осень. И придет мама. И будет варить рябиновое варенье...

Лимонного цвета стены кое-где покрылись трещинками, но комната все равно была уютной. В большой вазе на полу стоял сухой зимний букет, а на полочках были расставлены любимые Викины безделушки – коробочки из конфетных фантиков, самодельные миниатюрные мягкие игрушки и расписные тарелочки. Вот только не было маминого портрета – ни одного. Так уж получилось. Поэтому Вика не помнила маминого лица. В ее памяти осталась только белая, в ромашках, косынка и запах рябинового варенья – того, маминого... Сейчас это варенье пахнет совсем по-другому. Наверное, мама знала какой-то особенный его секрет...

А может, она была доброй волшебницей, и варенье ее было волшебным! Злой колдун решил завоевать весь мир, но мама не могла ему этого позволить – и вызвала на битву. И злой колдун проиграл. Мир остался таким же добрым. Но уже без мамы. Слишком много сил ушло у нее на эту борьбу, и теперь она спит далеко-далеко от людей – чтобы ей не мешали выздороветь и вернуться к Вике. А скоро Вика вырастет и сама найдет маму! Вика научится варить любимое мамино варенье так же по-волшебному, и от этого варенья к маме вернутся силы, и она вернется к людям...

Вика осторожно подобрала с пола сухой рябиновый листик и, встав на цыпочки на подоконник, открыла форточку.

– Листик, передай привет моей маме! – шепнула Вика и разжала кулачок...

«Непременно передам!» – шепнул в ответ листик и отправился в путь.

Красные сапожки

Мальчик был напуган. Он стоял на мелководье, речка уносила его самодельный кораблик, а глинистое дно безжалостно засасывало. Малыш рванулся и выскочил на берег, оставив сапоги.

Бросился было вытаскивать, но испугался и заплакал.

Новенькие, пронзительно алого цвета, с мягкой пушистой подкладкой и удобной «тракторной» подошвой, они были его гордостью и будущими спутниками во всех мокрых весенних забавах. Мамка на день рождения подарила! Он нашел их в шкафу задолго до праздника, и все никак не мог заставить себя спрятать их обратно. Трогал, обувал, даже нюхал. И вот – обновил!

Вечером мальчик почти не притронулся к толчёнке. Не шалил и рано лег спать.

Ночью у него поднялась температура, и перепуганная мать, напоив сына жаропонижающим средством, бросилась проверять, сухи ли сапоги. Их нигде не было.

...Мать сидела у кровати, ерошила успевшие выгореть мягкие, почти младенческие, кудряшки и приговаривала:

- Дурачок мой, чего переживал? Куплю тебе другие сапожки. Яичек вон дачникам продам, и куплю!

- Красные, как у Супермена? – вскинул малой заплаканную мордочку.

- Красные, красные...

Вероника Владимировна Шелленберг родилась в 1972г. Окончила литературный институт им А. М. Горького. Произведения публиковались в журналах и альманахах: «Арион», «День и ночь», «Дети Ра», «Сибирские огни», «Складчина», «Иркутское время», «Стороны света», «Урал», «Москва», «Огни Кузбасса», «Паровозъ», «Неизвестная Сибирь» «Новая Неминга литературная» и др. Член Союза российских писателей. С 2011 года организатор Регионального литературного семинара «ПарОм» (Омск), член редколлегии альманахов «Складчина», «День и ночь» и журнала «Омская муза». Живет в Омске.

Вероника Шелленберг **г. Омск**

В сторону зимы, разлуки вдоль,
в плацкартном поезде
о нежности твоей забыть пора бы...
Клочковатый снег,
но запечатано окно –
от духоты меня уволь!
И вот на несколько минут разрешено –
буран, Барабинск.

В нежности оборванной – ожог,
как будто губы на ветру
в железо вжал, не удержал,
а губ не жалко.
Шар, хрустальный шар зимы,
растресканный тоской,
а там, внутри,
на узкой полке боковой –
темно и жарко.

Нежные
придумали дышать
друг другу вглубь
за отворот души и свитра,
сколько можно жадных рук не разжимая.
Западно-Сибирская железная дорога –
это в сумерках свистящая
одна из очень многих-многих ран...
и рано утром – ножевая...

Это чистая радость побега –
потянулась за снегом рука.
В декабре перебежусь без снега,
а в апреле – никак.

Так и хочется встать на колени,
разбирая постскрипtum зимы,
так и хочется в тундре оленьей
раскурить голубые дымы.

И рвануться – следами, слезами,
прожигая зимы полотно.
И жалея и тут же терзая
снег, сливавшийся с небом в одно.

Снег, стреноживший это цветенье...
Стой, весна, закусив удила!
Я ещё не промёрзла предельно,
я ещё до конца не бела.

Я не очень-то нынче жирую.
Поселился в печи паучок, –

Он закрыл мой обед на крючок,
на вязальную спицу живую.

И сверчок зазнобил в глубине
рассыхающейся древесины
дома, где было невыносимо
до рассвета сидеть в тишине.

Боковая какая-то жизнь...
А другая-то что, – центровая?!
...Переулками – грохот трамвая...
И за поручень...
только держись.

Войди в мой скромный дом – букетом,
вся очарованная летом:
сирени льдистой пирамидки
и одуванчиков в избытке.

Покрыта лепестками яблонь...
ты в яблонях летать могла бы,
когда б цветение так плотно
не ставило свои полотна.

Открой же свой этюдник между
цветеньем яблонь и – надеждой,
что миг не просто так истает,
а след оставит... цвет оставит...

Следы на воде

Не важно,
сколько воды утекло,

Телецкое озеро соединяет
меня настоящую
и ту, шестнадцатилетнюю,
с полным ведром серебристого хариуса!

Первый раз на Алтае,
и вот так история:
лесник
меднолицый и молодой –
замуж позвал!
Я молчу.
Я в московском салоне
отличную сделала химку...
В сентябре поступлю на худграф...
А он говорит: «Оставайся,
дом в тайге у меня, два коня...»
И ведро серебристого хариуса
преподносит: «Подумай!»
И уплывает на лодке...

Озеро
закатом оплавлено...
Обведенный по контуру солнцем
алтаец
глядя лишь на меня, удаляется...
Равномерно включения ноют
всё тише и тише...
Блеск воды нестерпим...
Закрываю глаза, на сетчатке
всё тот же дрожит силуэт,
обведённый по контуру солнцем –
человек уплывает на лодке,
словно крыльями бьёт мотылёк...
Но я думаю не об алтайце,
о рыбе.
Вот досада –

ведро серебристого хариуса
чистить придется,
а этого я не люблю...
Не важно, сколько воды утекло,
застыло...
Однажды зимой
по Телецкому озеру
медленно еду на лыжах...
Словно след я хочу отыскать
мотылька...
Снега блеск нестерпим.
Закрываю глаза, на сетчатке
вот-вот задрожит силуэт,
обведённый по контуру солнцем –
человек уплывает...
О, внезапная горечь утраты!
Но я не жалею.
Весь мой век – для Алтая лишь миг...

...плеск воды,
тусклый блеск серебристого хариуса,
золотое сияние гордой горы Алтын-ту,
скрип уключин
и снега под лыжами скрип –
это всё происходит одновременно
для Телецкого озера
и для меня...

Аргмак (*татарск.*) – порода быстрых
и лёгких верховых лошадей. В мифологии
алтайцев – легендарный крылатый конь.

Власов Герман - поэт, переводчик, редактор. Родился в г. Москве в 1966 г. Закончил МГУ им. Ломоносова. Участник студии Игоря Волгина «Луч», лауреат и дипломант Волошинского конкурса (поэзия, перевод, фотопэзия). Автор нескольких книг стихотворений, публикаций в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба Народов», «Октябрь», «Новый берег» и др. Живет и работает в Москве.

Герман Власов
г. Москва

Воробьиное чирканье,
полупустой коробок;
окна настезь и чавканье -
яйца и кофе. Лубок

недолетний, где теплые
липы ладони в густой.
Молодые, непотные
лбы на площадке пустой;

после сна и соития -
лифта сокрытый сюжет.
Битый кафель, событие -
в зайчиках сонный паркет.

На колесах маршруточных -
сонмище лиц, чешуя;
много их промежуточных,
чайных, невыпитых. Я

разогнутой подковою,
чиркнувшей спичкой в лесу -
долгий звон, упакованный
привкусом горьким несую.

Такой рассвет, что разбудил жену,
и недовольно хлопала глазами,
но - пробудилась. С острия вокзала
луч высветил поселка глубину,
прохожих редких, стаю проституток,
но выше - возвращающийся клин
из Африки полуголодных уток.
Тень шпиля уколола магазин.

Горел восток оранжевым, зеленым
и синим: так апрельское тепло,
будто ладонями, ощупывало сонный
и донный мир, где не всегда везло.
Прекрасное далеко, ты ли это
лицо свое открывшее двоим?
Разбуженные языком рассвета,
мы в очереди первыми стоим.

Пока переливается и длится
как бы в немом замедленном кино;
еще минута - быт зашевелится
и станет, как и раньше - все равно.

Старики

От долгой жизни в такт
и шелеста словами
они сошлись в цветах,
притерлись головами.

Их вместе мучил труд,
будил рассвет обоих –
истерлись, как лоскут,
сгорели, как обои.

И на закате дней
она, как он, сутула.
И сделался у ней
похожий взгляд и скулы.

Когда из тех глубин
мысль у нее мелькает, -
то он ее один
заранее читает.

Когда берут билет
или в метро заходят, -
их держит общий свет,
где всё и происходит.

Е.Ф.

Когда учились, знал ее во сне:
все ямки и холмы ее фигуры;
она была, как марка на письме
и памятник былой архитектуры;

через нее я резкость наводил
на марта свежевзмыленные пятна
и я ее, наверное, любил, -
ведь возвращался из весны обратно;

в оконцах филигранного жилья
жилище было ангела и беса,
и если бы туда забрался я -
то потерял бы килограммы веса:

над в солнцепек расхристанной толпой
капустницей трусил навстречу лету;
но стала мотыльком на выпускной
и партию составила кларнету;

я без нее, наверное, погиб -
он выдувал ей на потеху вальсы,
но я еще запомнил братьев Гибб
и теплый пот, и синие ливайсы;

в другом пространстве, где она теперь,
не нужно света с ней - или погасла?

Но если распахнет балкона дверь
сквозняк - скажу пространству: Здравствуй!

Теплота от короткого слова,
а потом – долгота, маета.
Тереби его снова и снова,
будто глядя чужого кота.

Проводя между пальцев шерстинки
Или – взвесив – о, хитрый прищур,

эскалатором ниже Неглинки
я похожие лица ищу.

Все они потянулись навстречу,
позабыли значенье одно. –
Добрый вечер, – твержу, – добрый вечер.
Опускаюсь на шумное дно.

И в вагоне умышленно старом
станет кресло толкать и качать.
От короткого слова удары –
говорить про себя, не молчать.

Светлане Меликьянц

Свернулся лист, что запятая,
а ты шагаешь наяву
по этой рощице, питая
не грусть, но просто *I love you*.
Проходишь бодрым шагом, словно
По полустанку, где стоит
состав, для ваших мест огромный,
где каждый спешно говорит,
прощаясь. Вещи поднимает,
и обнимает, и в купе
проходит, грусть свою сминая,
как фотокарточку в руке.
И тянет дымом от вагона
особенным, как листьев дым.
Слова несказанные клена,
Ольхи про то, как молодым...
Вокзал качнется осторожный,
Что нож по краю волокна.
В слезах, а не в пыли дорожной -
Всё машет осень из окна.

Сон, прилипший к дереву улиткой,
остановленный губами смех...
Солнце, солнце, ты - моя улыбка,
ты - одна для всех

Видима сейчас и ошутима...
Дальше - несколько часов
мы идем с тобой, как пилигримы,
в море голосов.

Мы несем волшебную минуту
эти несусветные часы -
окружным маршрутом, через смуту.
Вместе мы – весы:

Если я теперь тебя забуду -
почерк, вес и суть -
покачнется чудо ниоткуда
и разгонит муть.

Свет июля – в замираньи, тени,
сутолоке, простоте;
в листьях, людях, гаме птичьем, в пенье,
ливне, духоте.

Мы одни на циферблате с ними,
нас не больше двух;
и тебя, наверно, не отнимет
разделенья дух.

Ия Кива — поэт, переводчик, журналист. Родилась в г. Донецке, с 2014 года живет в Киеве. Стихи и рецензии публиковались в журналах «Студия», «Слово \ Word», «Нева», «Радуга», «Ковчег», «Плавучий мост», «Новая Юность», «Новый мир», на сайтах Litcentr и Polutona.

Ия Кива
г. Киев

memory

когда на землю первый бледный снег
опустится снежинки затолпятся
у входа в вечность
дом услышит эхо
звучания далеких голосов

и он ей скажет
был ли бог и был ли бег
я наг и пег
я пепел от коробки
с изображением недетского лица

а ты была ребенком ты была
ребенком ты была с ребенком
не от меня рожденным от меня
зачатым неумело и неловко

и вот его я встретил и она
живет во мне и смотрит как живая
я говорю ей не люби меня
и кровь из носа падает на скатерть

течет по скатерти и ухает в паркет
как я в тебя тогда потом когда-то

а ты мне отвечаешь тихо нет
здесь все не от тебя
ступай отсюда

и он уйдет, хватая воздух ртом,
катая звук под липким языком,
что здесь еще они сказать могли бы
что жизнь прошла
а все-таки звучит

не ходи на кладбище, там нет никого живого,
только тот, кого схоронили, очень любили,
морок, морг, колото-резаные, ножевые,
в рамочке черной сидит, на тебя глядит
глазами большими серыми, твоими

на кладбище нет никого, кроме сорок,
но о том ни гу-гу, о том никому, тсс.., молчок,
люди приходят, красят ограды,
кому оно надо, доподлинно неизвестно,
но время и место красить ограды,
и мы никого в живых не оставим

за ними приходят безбожные и травяные,
пьют, песни поют, ничего святого,
жалко их очень, зачем они все такие
работящие, мужики настоящие, а вот тоже плачут,
буду любить тебя всегда, я не могу иначе,
дайте, пожалуйста, смерть, без сдачи

третьи приходят, не издают ни звука,
смотрят перед собой, шевелят губами,
прозвища и имена перебирают,
трутся телами о потускневший мрамор,

смерть — это то, что опять случилось не с нами
месяц проходит, больно, как всему живому,
год проходит, больно, как всему живому,
пять лет проходят, больно, как всему неживому

ИЮНЬ

когда закончится этот месяц, полный неизъяснимой боли,
в котором все дорогое и самые близкие от меня уходят,
не оборачиваясь на прощанье и не обнимая,
а я их не отпускаю, целую в глаза и не отпускаю,
выдыхаю медленно имена, как мыльные пузыри,
трогаю руками воздух, в котором они стояли,
улыбаюсь в сумерках вечеру, в который они ушли,

я вдруг вспомню, что на улице лето, сяду в обычный поезд,
заплету в волосы ленты тихой нежности и любви
и уеду в Одессу глядеть на длинное пенное море,
где меня никто не узнает, потому что там все чужое,
потому что о шум прибоя разбивается шум тоски,
и песок мое тело укроет от прошлого и успокоит,
и я буду, наконец, счастлива, стлива, сча, ли...

Жизнь уходит, по капле из горлышка вытекает,
Вдох и выдох, икота, икт, что там еще,
А война не уходит, и липа не отцветает,
Пух летит и не тает, пух летит и рыдает,
Осыпается в самое сердце твое.

Столько солнца кругом, а ты все бледнеешь и вянешь,
Как дурная акация, свой опадающий смех
Вдоль кирпичного дома на веревочке тянешь,
Тельце к тельцу развесив любимых, видишь, как смерть,

Как шахтер, их под землю куда-то с собой забирает
В ее вечную смену ночную в грязный забой,
И они там толпяся, как в душном тесном трамвае,
Как живые, ругаются, в бок друг друга толкая,
В переполненной хрипами темени звуковой.

И кому здесь расскажешь, что помнишь все голоса их,
Про себя диалоги им пишешь, как чертов прозаик,
По субботам на хлеб и вино к столу зазываешь,
А они всё выходят из чьих-то незнакомых влагалищ,
Но приходят уже не к тебе и пьют не с тобой.

а вот представь что будет все вот так
сегодня впредь отныне и до завтра
как будто у подножия времен
глаголов видов недосвершенных
покуда кровь вдруг не устанет гнать
куда-то запыхавшееся сердце
и всадник скажет все я не могу
и конь его падет в сырую землю
а там гляди ж и братья-червяки
хорал ему поют григорианский
и смерть им вторит кирие элейсон
и только жизни не было нигде

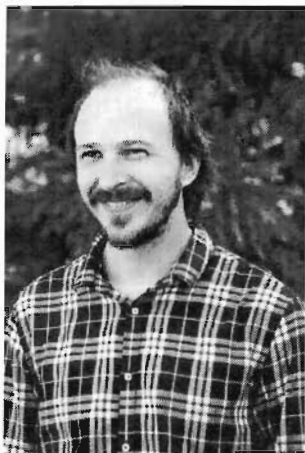
били с особым цинизмом не убивали
насиловали не кончали
приучали жить долго
работать много
терпеть и того больше

что здесь произошло?
все здесь произошло
запротоколируйте
вызовите понятых
есть же свидетели

куда же все подевались
не их ли все прибывало
не они ли все это были
не их ли сюда не звали
не они ли вытоптали все тело
протянули жилы в ушко игольное
не они ли намертво затоптали

тише ты тише деточка успокойся
никто не придет больше
не станет выпрашивать больше
не будет другим про тебя трепаться
пялиться в лицо ухмыляться
пять уже лет как тебя схоронили
нешто не помнишь

дернули за веревочку
ты и упала

Антон Метельков Родился в Новосибирске, в 1984-м году. Живет в Новосибирске. Публиковался в журналах «Ликбез» (Барнаул), «Введенская сторона» (Старая Русса), «Лава» (Харьков), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Урал» (Екатеринбург), «Наш современник» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «День и ночь» (Красноярск), в сборнике «Поэтический путеводитель» (Пермь), в альманахе «Между» (Новосибирск), Выпущены книжка-малышка «Деревянное дерево» (Новосибирск, 2012) и сборник стихов «Футляр» (Новосибирск, 2015).

Антон Метельков
г. Новосибирск

твой французский маникюр
не излечит целлюлит
александр сергеич шнур
приступ острова бали
утоли мою тайгу
у майора две ноги
там где утром был шойгу
будет вечером айги

есть ли свет в конце тюленя
есть ли люди там на судне
люди все позеленели
жадность размешав в простуде
стали зеленее воды
стали зеленее травы
как соленый вкус свободы
их заморские приправы

ты плывешь себе на льдине
сверху небо, снизу небо
сгусток штрих-пунктирных линий
маленький детеныш нерпы

там вдали за рекой
протрубили отбой
всех святых милый бог упокой
льются колокола
мы уйдем в зеркала
свет мой ясный мы прах и зола
там вдали на мели
нас в мешок замели
нас подземные ждут корабли
а подавшим рукой
сон приснится такой
как красиво поют за рекой

велик велик еле едет
еле едет не стоит
плыл по небу понедельник
плыл по морю гераклит
у него в кармане сартр
и флоренский на корме
вышел месяц вроде марта
едем едем на окне
едем едем не доедем
заливаем не зальем
ночь казалась нам медведем
день казался нам конем
но медведи как соседи
только щепками скрипят
напечатают в газете
о спасенье для ребят

есть в антарктике железной
зверь волшебный зверь полезный
лечит раны на раз-два
у него такие перья
что промахиваюсь в дверь я
но полезней голова
принеси ее на блюде
выйдешь в люди выйдешь в люди
не об этом ли мечтать
и на льду их глаз промокших
неокрепших невозможших
будешь слезы подметать
ночь казалась нам медведем
день казался нам конем
мы в антарктику не едем
мы уснем едва уснем
будем звезды собирать
со сметаной уплетать
и подобно комарам
мы научимся летать
будем будем не забудем
не забудем никогда
кони люди все там будем
как весенняя вода
ворон скажет: не беда

проснешься - уже не уснешь
тогда выползают из ниш
куница и, может быть, еж
чего, говорят, ты не спишь?
да-да – говорят, ты не спишь
маячишь по кухне как нож
бормочешь: ведь это стихи ж
проснешься - уже не уснешь
полкухни за сон отдаешь

полкухни оставишь на чай
проснешься - уже не уснешь
а если уснешь - не серчай

легкий градус моцарта
заиграл в голове
спрячьте ноты под партой
дорогой человек
так нас в детстве качали
по дороге к утру
пусть не знают печали
те кто завтра умрут
в этих контурных картах
что сибирь что москва
ночь ложится лекарством
и цела голова
мы за здоровье примем
полтаблетки луны
пусть приснятся марине
только светлые сны
тихо скрипнет клетушка
габаритом с кровать
божьем тварям летучим
крылышки обрывать
в одиночной темнице
без друзей без врагов
я могу только сниться
человек дорогой

жена моя, ты ксения некрасова,
что, не поев, украдкой, ввечеру
поёшь и яблоки со щек своих разбрасываешь,
надкусишь их и знаешь: не умру

звездочка, сто пять, решетка
и на крыше гребешок
дочка спросит: где мишутка?
и ответит: он ушел
он ушел, кудрявый мальчик
затерялся во полях
где вчера звенели матчи
а сегодня на нулях
спотыкнулся, замер счетчик
и молчит: присядь со мной
пусть твои румяны щеки
отольют голубизной
как на небо любоваться
с запрокинутым лицом
похмелясь дурным баварским
под газетным под листом
ты сопишь, хрипишь и бредишь
пугачевою храним
ты обратно не приедешь
очарован и раним
путешествие в обратно
кто-то строго запретил
машут крыльями ворота
без руля и без ветрил

Юлия Владимировна Сливина родилась в г. Ленинск-Кузнецкий 5 марта 1984 года. Закончила филологический факультет Кузбасского областного педагогического института.

Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Институт культуры» г. Кемерово, «Тагильская находка» (Каменск-Уральский).

Участник «Рифейских встреч» в Каменске-Уральском 2013, член Союза писателей России с 2014 года. Автор книги стихотворений «Кормиться черёмухой рифм». Проживает в г. Ленинск-Кузнецкий.

Юлия Сливина г. Ленинск-Кузнецкий

Пока мы в поисках первоосновы
Рубим мир на дрова,
Спят корабли – бором сосновым,
Не знавшим еще топора.
Дремлют, как на руках у матери,
Ладьи – у тайги в закромах,
И парусники – вне пониманья предательства
Всех корабельных команд.
И ты, мрачный, как дом Ван Гога,
Где паукам только сети прясть,
Живешь без меня, словно спишь в берлоге
Ненаступившего дня.
Бродим одни, маршируем строем,
Злимся, друг друга плечом задев.
А все-таки парусники строят
Из самых лучших деревьев.

А яблочко...

А яблочко по блюдечку покатится.
Никто царевны мёртвой не спохватится.
И в час, когда обида горяча,
Не сгонит чёрта с левого плеча.
Помалкивай, в платочек тихо бляй,
Когда тебя какой-нибудь холуй
Пожалует не статуэткой каннской -
Улыбкою американской.
Улыбкой по добрейшему Карнеги,
Улыбкою морального калеки.
Так инквизиции мы нос утерли...
И даже с блюдца
яблочко
упёрли.

Военное

Письмецо в конверте бежевом
Положи в шинель-тайник.
Обезумевший от нежности,
Рвет дорогу броневик!
Все! Шабаш! С войной покончено!
Словно струночки, стройны
Все девчонки в платьях шелковых
На всех улицах страны.
Память глуше. Время гуще...
Чем я старше, тем ясней
Слышу в том «ура» ликующем
Голос бабушки моей.
Если б было все иначе, то...
Лотарингия. Эльзас...
То отмыли б землю начисто
Мылом, сделанным из нас!..
А пока во мне – все косточки.

Выбить дух никто не смог.
И дымит, присев на корточки,
В очень мирном

Мире

Бог.

И все-таки я буду...

И все-таки я буду не твоя,
Обещана в сиделки для рассвета.
И все-таки я буду не маяк,
А бедняка Кастильи кастанеды,
Которыми еще добудет он
Себе на завтрак хоть чуть-чуть кус-куса.
Я так еще скажу: «Да будет слон
Для каждого индуса – в их Индусии!».
К чему жалеть себя? Жалеть не нужно!
И если я не пригожусь стране,
То пусть меня в лесу съедят на ужин
Солдаты... в третьей мировой войне!

Те, которых немного осталось..

Те, которых немного осталось,
Накручивают на пальцы
Кольца табачного дыма –
О чем-то своем молчат.
Те, которых немного осталось,
Забыли улыбнуться,
Когда играл какой-то гимн,
И все слушали его стоя.
Те, которых немного осталось,
Никогда не говорили о плохом,
И к старости согнулись
Под тяжестью собственной святости.
Те, которых немного осталось,
Умирили светло и очень тихо.

Но родившиеся после них
Не способны даже на мгновение тишины.

Надоедливая оса...

Из мельчайшего шороха трав
Состояла моя тень.
А теперь бесприютно оса
Кулаком барабанит в дверь.
Я была – шутка сказать –
Ветром в шелке зеленых штор.
Но в настольный мой календарь
Навсегда сентябрь пришел.
Я жалею века – ждать.
Я нуждаюсь в желанье жить.
Но нахлынувшая печаль
Громко точит на кухне ножи.
Поножовщина - надо же!
Липкий радий из тонких вен.
Надоедливая оса
Кулаком барабанит в дверь.

Колонии. Колибри. Корабли..

Колонии. Колибри. Корабли.
"Вкупился" в смысл логического ряда?
Пожалуйста, не надо – о любви!
Любви не надо!
ЧК. Допрос. Незыблемость. Расстрел.
А после – только сироты и вдовы.
Н. Гумилев. Хватило пуль на всех.
И далее – не сомневайся – вдоволь!
Гортань. Острог. Депеша. Западня.
Я не боюсь огня и жара адова!
Но я прошу: ни слова – про меня!
Тебе – меня не надо, нет, не надо!

Литературно-художественное издание
«ОБРАЗ»

Главный редактор: Д.А. Филиппенко

Редколлегия альманаха:

С.В. Уланова

Ю.В. Сливина

С.В. Логинов

О.А. Шмакович

Компьютерная вёрстка: Д.А. Филиппенко

Корректор: Ю.В. Сливина

Автор Проекта: Д.А. Филиппенко

ББК 023

023 Сборник литературных произведений.–

Ленинск-Кузнецкий:

Литературный альманах «Образ», 2016. 85 стр.

023

Все произведения и материалы, опубликованные в альманахе, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций альманаха в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается.

При перепечатке ссылка на альманах обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступаю в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Справки по e-mail: dimoet@yandex.ru

© Сборник литературных произведений, 2016

© Литературный альманах «Образ», 2016.

Подписано в печать 14.09.2016 г. Формат 60x80/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times». Тираж 50 экз. Заказ № 565.

Отпечатано в ООО «Офсет».

г. Кемерово, 650055, ул. Пролетарская, 9.

Тел. (3842) 34-96-41, тел./факс (3842) 34-90-69

50

1100
... 00..

